

INSPIRIA

МИЛОЕ

РОМИ ХАУСМАНН

ДИТЯ

ОДНАЖДЫ ТЫ ВЫЙДЕШЬ ИЗ КЛЕТКИ,
ДОЧКА...

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Германия

Роми Хаусманн

Милое дитя

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

Хаусманн Р.

Милое дитя / Р. Хаусманн — «Эксмо», 2019 — (Ток.
Национальный бестселлер. Германия)

ISBN 978-5-04-159453-4

Международный бестселлер №1. «Сверхновая звезда в жанре триллера», по характеристике известного немецкого еженедельника. Триллер, чьи неожиданные и шокирующие повороты мы видим под несколькими углами зрения. Однажды ты выйдешь из клетки, дочка... Лена Бек пропала четырнадцать невыносимых лет назад. Все это время отец отчаянно искал ее, надеясь на чудо. И вот, кажется, оно произошло. Лена была похищена, но теперь смогла сбежать — и во время бегства попала под машину. Всего в двух с половиной часах езды от дома. Так предполагает полиция, хотя уверенности нет. Но есть надежда. Родители сейчас же едут в больницу. И, к огромному своему разочарованию, понимают, что лежащая без сознания пострадавшая — вовсе не их дочь. Совсем незнакомая женщина. Однако вместе с ней нашли тринадцатилетнюю девочку по имени Ханна, которая утверждает, что это ее мать по имени Лена, что их семья обитает в лесной хижине, отрезанной от мира, а «мама хотела по неосмотрительности убить папу»... Ханна — вылитая Лена в детстве. Прямо-таки клон. Что все это значит? Девочка — ключ к разгадке... «Пронзительная, оригинальная, завораживающая работа. Хаусманн — сила, с которой нужно считаться». — Дэвид Болдаччи «Совершенный триллер, прекрасно написанный, мощный, убедительный». — Питер Джеймс «Исключительный триллер». — Арно Штробель Роми Хаусманн родилась в ГДР в 1981 году. В двадцатичетырехлетнем возрасте стала шеф-редактором мюнхенской кинофирмы, а после рождения сына начала работать фрилансером на телевидении. «Любимый ребенок» — ее дебютный триллер, молниеносно возглавивший список бестселлеров «Der Spiegel», а вскорости оказавшийся и мировым бестселлером. Роми — обладательница премии Crime Cologne Award 2019. Живет с семьей в уединенном доме в лесу под Штутгартом.

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

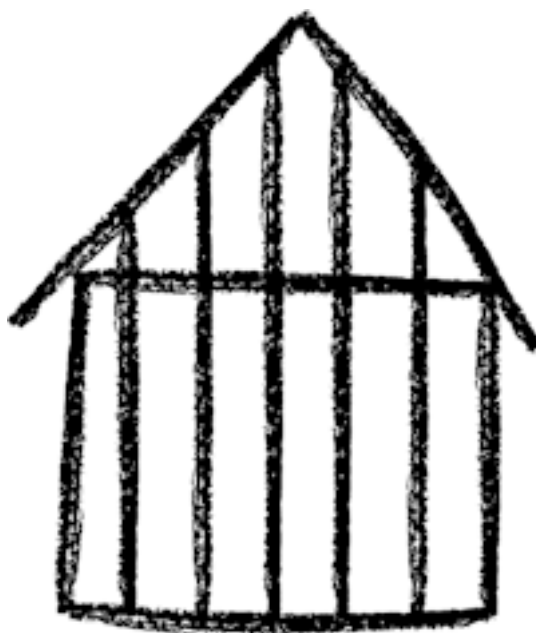
ISBN 978-5-04-159453-4

© Хаусманн Р., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

В ночь происшествия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роми Хаусманн Милое дитя

Romy Hausmann
Liebes Kind

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Катерине – само собой

Нет ничего печальнее крушения иллюзии.
Артур Кёстлер¹

Студентка 23 лет пропала в Мюнхене

Мюнхен – Полиция запрашивает любые сведения о возможном местопребывании Лены Бек (23 года) из округа Хайдхаузен. В последний раз девушку видели на вечеринке, в ночь со среды на четверг, с которой она ушла приблизительно в пять часов утра. По пути домой она связывалась по телефону с подругой, и с того момента ее телефон выключен. Организованные в пятницу поисковые мероприятия не дали результатов. Лена Бек ростом 1,65 м, стройного телосложения, со светлыми волосами до плеч. Была одета в серебристую блузку, черные джинсы, черные ботинки и темно-синее пальто.

¹ Артур Кёстлер (1905–1983) – знаменитый британский писатель и журналист венгерско-еврейского происхождения.

В первый же день я утратила чувство времени, рассталась с достоинством и потеряла коренной зуб. Зато теперь у меня есть двое детей и кошка. Имена детей я забыла, а вот кошку зовут Фройляйн Тинки. Еще у меня есть муж. Крупный, с короткими темными волосами и серыми глазами. Я разглядываю его краем глаза, сидя вплотную к нему на потертом диване. Под тяжестью его руки пульсируют многочисленные ушибы, словно в каждом из них бьется свое отдельное сердце. Лоб горит в месте пореза. Время от времени перед глазами темнеет или вспыхивают белые пятна. В такие моменты я пытаюсь хотя бы дышать.

Сложно сказать, действительно ли сейчас вечер или это он так решил. Окна заделаны изоляционными плитами. Он правит сменой дня и ночи. Как господь. Я пытаюсь убедить себя, что худшее осталось позади, но меня гложет мысль, что скоро мы вместе отправимся в постель. Дети уже надели пижамы. Мальчику ночная рубашка уже немного мала, у девочки рукава еще прикрывают кисти. Ребята сидят на полу в нескольких шагах от дивана и греют руки в остатках жара от печки. Огонь догорел, и горстку черных углей лишь изредка пронизывают багряные нити. Детские голоса звучат так звонко и беззаботно на фоне происходящего абсурда... О чем они там болтают, не разобрать. Я слышу их точно сквозь вату, раздумывая над тем, как убить их отца.

В ночь происшествия

Ханна

Поначалу все довольно просто. Я выпрямляю спину и делаю глубокий вдох. Забираюсь в машину «Скорой помощи», еду вместе с ними. Называю людям в оранжевых куртках имя мамы и сообщаю, что у нее четвертая группа крови, отрицательная. Четвертая отрицательная – самая редкая группа крови и отличается тем, что не содержит антител к крови второй и третьей групп. Это значит, что маме можно вливать кровь любой другой группы. Я знаю это, потому что мне уже рассказывали про группы крови на занятиях. А еще так написано в толстой книге. Пожалуй, я все сделала правильно. Только когда я по неосторожности вспоминаю брата, у меня начинает трястись коленка, правая. Уж наверняка Йонатан перепугается без меня.

Соберись, Ханна. Ты ведь уже большая девочка.

Нет, сегодня я маленькая и глупая. Мне холодно, а еще здесь слишком светло, и что-то пищит. Я спрашиваю, откуда этот писк, и один из людей в оранжевой куртке отвечает:

– Это сердце твоей мамы.

Оно еще никогда так не пищало, сердце моей мамы.

Соберись, Ханна.

Машину трясет, и я закрываю глаза. Мамино сердце пищит.

Она тогда закричала, а потом был удар. Если мамино сердце перестанет пищать, это будет последнее, что я услышала от нее, – крик и удар. И она даже не пожелает мне доброй ночи.

Машина клюет носом и замирает.

– Приехали, – говорит мужчина. Он имеет в виду, приехали в больницу.

Больница – это такое здание, где оказывают медицинскую помощь больным или пострадавшим.

Мужчина говорит мне:

– Ну, давай скорее.

Ноги идут как будто сами собой, и так быстро, что я не успеваю даже считать шаги. Санитары толкают грохочущие носилки через стеклянные двери, над которыми ярко подсвеченная надпись гласит: «Реанимация» – и дальше, по длинному коридору. Я поспеваю за ними. Как по команде со всех сторон сбегаются помощники, наперебой звучат возбужденные голоса. В конце длинного коридора мы подходим к еще одной двери.

– Дальше тебе нельзя, – сообщает тучный мужчина в зеленом халате и отпихивает меня в сторону. – Мы пришлем кого-нибудь, чтобы за тобой присмотрели. – Указывает пальцем на ряд стульев вдоль стены. – Посиди пока там.

Я пытаюсь сказать что-нибудь, но слова не идут на ум, да и мужчина уже развернулся, чтобы следом за остальными скрыться за дверью. Я пересчитываю стулья у стены – семь. Он не сказал, на какой из стульев следует сесть, этот толстый санитар в зеленом халате. Сама того не сознавая, я начинаю обгрызать ноготь на большом пальце. *Соберись, Ханна. Ты ведь уже большая девочка.*

Я сижу, подтянув колени, на среднем стуле и подбираю с подола хвоинки и чешуйки сосновой коры. Этим вечером я здорово перепачкалась. Снова вспоминаю про Йонатана. Несчастного, маленького Йонатана, который остался дома и вынужден наводить порядок. Я представляю, как он плачет, потому что не знает, как отчистить пятна с ковра. Могу поспорить, что в кладовой у нас есть нужное средство, только папа запер дверь на два замка. Мера предосторожности – у нас их в избытке. Во всем нужно соблюдать осторожность.

– Привет! – женский голос.

Вскакиваю со стула.

– Я сестра Рут. – Женщина улыбается и берет меня за руку, чтобы ее пожать.

Отвечаю, что меня зовут Ханна, и для верности повторяю имя по буквам. Сестра Рут все еще улыбается.

– Понятно.

Сестра Рут старше мамы, у нее уже седина в волосах, и она толстовата. Поверх ярко-желтого халата на ней вязаная кофта, довольно теплая на вид, и к отвороту приколот значок с мордочкой панды. *Be happy*, – написано на значке. Это значит «*Будь счастлив*» по-английски. У меня вздрагивают уголки губ.

– Милая, да на тебе и ботинок-то нет, – замечает сестра Рут, и я шевелю большим пальцем сквозь дырку в колготках.

Как-то, в один из хороших своих дней, мама уже штопала это место. Она бы, конечно, отругала меня, если б узнала, что я снова порвала колготки.

Сестра Рут достает платок из кармана, потому как думает, что я плачу. Из-за порванных колготок или из-за мамы. Я не говорю ей, что на самом деле меня слепят яркие лампы, а отвечаю:

– Спасибо, вы очень внимательны.

Всегда нужно быть вежливым, говорить «пожалуйста» и «спасибо». Мы с Йонатаном всегда говорим «спасибо», когда мама дает нам батончики, хоть терпеть их не можем. Они совсем невкусные. Но нам нужны витамины, это важно. Кальций, калий, магний и витамины группы В для обмена веществ и кроветворения. Каждый день мы съедаем по три штуки, если только запасы не заканчиваются. Тогда мы надеемся, что папа скоро вернется домой и по пути закупит новых припасов.

Я беру платок, промокаю глаза и как следует сморкаюсь, после чего возвращаю сестре Рут. Нельзя оставлять себе чужие вещи. Это называется кражей. Сестра Рут смеется и прячет платок обратно в карман. Конечно, я спрашиваю насчет мамы, но сестра Рут отвечает только:

– Она в надежных руках.

Я понимаю, что это не ответ. Все-таки не дурочка.

– Когда мне можно будет к ней? – спрашиваю я, но и на этот вопрос не получаю ответа.

Вместо этого сестра Рут говорит, что отведет меня в комнату отдыха и подыщет мне какие-нибудь шлепанцы. Шлепанцы – это что-то вроде домашней обуви. Мы с Йонатаном тоже должны носить обувь, потому что полы в доме холодные, но обычно забываем об этом и постоянно пачкаем носки. Мама, конечно, потом ругается, потому что еще не день стирки, и папа недоволен, потому что мама не отмыла пол как следует. Чистота важна.

Комната отдыха довольно большая, не меньше пятидесяти шажков от двери до противоположной стены. Посередине стоят три стола, и у каждого по четыре стула. Трижды четыре получается двенадцать. Один стул стоит криво. Наверное, кто-то сидел на нем, а потом, когда уходил, позабыл задвинуть. Надо надеяться, ему это не сошло с рук. Порядок тоже важен. Слева у стены стоит металлический шкаф со множеством отделений. Каждое отделение запирается на ключ, но при этом почти все ключи оставлены в замках. Там же стоит двухъярусная кровать, тоже металлическая. Напротив двери два окна, и в них видна ночь. Темная и беззвездная. Справа располагается кухонный уголок. Прямо на рабочем столе стоит чайник. А ведь горячая вода может быть очень опасной. При температуре выше сорока пяти градусов обжигает кожу. При шестидесяти градусах сворачивается белок в клетках кожи, и они отмирают. В чайнике вода нагревается до ста градусов. У нас дома тоже есть чайник, но мы его запираем в шкафу.

– Присаживайся, – говорит сестра Рут.

Трижды четыре получается двенадцать. Двенадцать стульев, мне необходимо подумать... Беззвездная чернота за окнами отвлекает меня.

Сосредоточься, Ханна.

Сестра Рут подходит к шкафу и одну за другой начинает открывать металлические дверцы. Несколько раз протягивает *хмм...* и снова лязгает дверцами. Оглядывается на меня через плечо и повторяет:

– Да ты садись, милая, чего стоять.

Сначала я подумываю выбрать тот стул, который и так стоит криво. Но это было бы неправильно. Каждый должен сам убирать за собой. Брать на себя ответственность. *Ты ведь уже большая, Ханна.* Я киваю в пустоту и считаю про себя. *Раз, два, три, четыре...* Выпадает стул, с которого мне хорошо видна дверь и который я, конечно же, как следует задвину, когда сестра Рут скажет, что время сидения прошло.

– Ну вот. – Она поворачивается ко мне с парой розовых шлепанцев в руках и улыбается. – Великоваты, наверное, но все лучше, чем ничего.

Кладет шлепанцы мне под ноги и ждет, пока я не влезу в них.

– Послушай, Ханна, – говорит она затем, стягивая с себя кофту. – У твоей мамы не было при себе сумки. Поэтому мы не нашли ее удостоверения и других документов. – Берет меня за руку и неуклюже продевает в рукав своей кофты. – Так что у нас нет ни имени, ни адреса, к сожалению. Как и номера на случай чрезвычайной ситуации.

– Ее имя Лена, – подсказываю я, как прежде в машине «Скорой помощи». Всегда нужно помогать другим. Мы с братом постоянно помогаем маме, когда у нее трясутся руки. Или когда она что-то забывает. Например, наши имена или время посещения туалета. Тогда мы сопровождаем ее до уборной, чтобы она не упала с сиденья или не натворила каких-нибудь глупостей.

Сестра Рут между тем принимается за второй рукав. Кофта еще теплая после нее и приятно греет спину.

– Да, – говорит сестра Рут. – Лена, замечательно. Лена без фамилии. Врач «Скорой» так и записал.

Она вздыхает, и я чувствую ее дыхание. От нее пахнет зубной пастой. Затем сестра Рут отодвигает мой стул, и ножки скребут по полу. Разворачивает меня так, чтобы опуститься передо мной на корточки и не удариться при этом головой о край стола. Край стола может быть очень опасным. Мама так часто билась о него головой, когда у нее случался припадок...

Сестра Рут принимается застегивать кофту на пуговицы. У себя на коленке я повторяю пальцем зигзагообразный узор ее пробора. Линия вправо, прямо, линия влево, прямо, и снова влево, как молния. Сестра Рут словно чувствует на себе мой взгляд и вскидывает голову.

– Ханна, есть кто-то, кому мы могли бы позвонить? Твоему папе, например? Ты помнишь ваш домашний номер?

Я мотаю головой.

– Но у тебя есть папа?

Киваю.

– И он живет с вами? С тобой и твоей мамой?

Снова киваю.

– Ему, наверное, нужно позвонить? Он ведь должен знать, что с твоей мамой произошел несчастный случай. И наверняка будет волноваться, если не дожидается вас дома.

Линия вправо, прямо, линия влево, прямо, и снова влево, как молния.

– Скажи, Ханна, ты когда-нибудь уже бывала в больнице? Или, может, твоя мама? Может, даже в этой самой? Тогда мы посмотрели бы ваш номер у себя в компьютере.

Я мотаю головой.

– Открытые раны в случае необходимости могут быть обработаны мочой. Это оказывает дезинфицирующее, свертывающее и болеутоляющее действие. Точка.

Сестра Рут берет меня за руки.

– Отлично. Знаешь что, Ханна? Я сейчас сделаю чай, и мы потом поболтаем, ты и я. Что скажешь?

– О чем поболтаем?

Я должна рассказать что-нибудь про маму. Но поначалу мне ничего не приходит на ум. Только и думаю об этом страшном ударе, когда машина сшибла маму, и как в следующий миг она уже лежала в свете фар, на холодной жесткой земле, с вывернутыми руками и ногами. Кожа у нее стала слишком уж белой, и кровь, что течет из многочисленных порезов на лице, уж слишком красная. Алая. Я сидела у обочины с закрытыми глазами и лишь время от времени подглядывала, пока в темноте не замигали синие огни. «Скорая помощь».

Конечно, нет необходимости рассказывать все это сестре Рут. Она ведь и так знает, что с моей мамой произошел несчастный случай. Иначе мама сюда не попала бы. Сестра Рут пристально глядит на меня. Я пожимаю плечами и раздуваю крошечные волны в своем чае. Шиповник, сказала сестра Рут. Ее дочь, когда была маленькой, больше всего любила чай с шиповником.

– И всегда с полной ложкой меда. Она была та еще сладкоежка.

Сладкоежка. Сомневаюсь, что такое слово действительно есть, но мне нравится.

– Мою дочь зовут Нина, – говорит сестра Рут. – Как Нину Симон, известную джазовую певицу. *My baby don't care for shows*, – напевает она не очень умело. – *My baby don't care for clothes. My baby just cares for me*². Слышала такую?

Я мотаю головой.

– Ну да, сразу и не подумала, – смеется она. – В твоем возрасте такую музыку, наверное, не слушают. Или это я так плохо пою... В общем, когда Нина была маленькой, как ты, мы почти каждый день ходили на детскую площадку. А если погода не позволяла, то собирали дома пазлы или пекли печенье. Господи, она ела тесто прямо из миски! Да еще столько, что потом хватало только на половину противня...

Сестра Рут все еще смеется. Должно быть, она очень любит свою дочь.

– Мы тоже собираем пазлы, – говорю я. – Но печенье не печем. Мама иногда такая рохля, так что к плите ее лучше не подпускать.

Испуганно прикрываю рот ладонью. Не следует называть маму рохлей.

– Ханна?

К родителям нужно проявлять уважение.

– По-моему, нам и впрямь нужно поговорить с твоим отцом, – говорит сестра Рут. – Подумай, может, ты все-таки припомнишь ваш номер телефона?

– У нас нет телефона.

– Ну хотя бы адрес... На какой улице вы живете? Мы бы послали туда кого-нибудь, чтобы известить твоего папу.

Мотаю головой, очень медленно. Сестра Рут не понимает.

– Мы не хотим, чтобы нас нашли, – произношу я шепотом.

² Слова джазовой песни *My baby just cares for me* (англ. «Моего милого (мою милую) интересую только я»), исполнявшейся очень многими вокалистами, в т. ч. Н. Симон.

Лена

Воздух сразу после дождя. Первый, а потом последний кусочек шоколада, которые всегда самые вкусные. Аромат фрезий³. Альбом Low Дэвида Боуи. Колбаски под соусом карри после долгой ночи. Долгая ночь. Жужжание упитанного шмеля. Солнце, неважно, поднимается оно или садится, или просто светит. Синее небо. Серое небо. Черное небо. Любое. Мама; как она закатывает глаза, если нагрывает без предупреждения, а в раковине немытая посуда. Старые качели в саду у бабушки; как петли скрипят, если раскачаться на них, и кажется, они будто напевают без голоса. Эти нелепые утяжелители на скатерти в виде ягод и лимонов. Летний ветерок в волосах и на лице. Море, шепот волн. Белый песок между пальцами...

– Я люблю тебя, – произносит он со стоном и скатывается с меня.

– И я тебя, – отвечаю я едва слышно и сжимаюсь, как раненая кошуля.

– ...множественные переломы ребер с левой стороны, со второго и до четвертого. Поднадкостничные гематомы...⁴

Ханна

– Ага, не хочешь говорить мне, где вы живете.

Сестра Рут улыбается, но это не совсем улыбка. У нее только изгибается уголок рта, с правой стороны.

– Моя дочь тоже любила такие игры, когда была маленькой.

– Нина, – уточняю я, чтобы сестра Рут видела, что я внимательно слушала. Всегда нужно внимательно слушать других. – Сладкоежка.

– Да, сладкоежка. – Она кивает, отодвигает свою чашку и чуть наклоняется через стол. – И это в самом деле весело. Только знаешь что, Ханна? Боюсь, сейчас не самый подходящий момент для таких игр. Ситуация крайне серьезная. Когда человек попадает в больницу в результате несчастного случая, мы должны поставить в известность его близких. Это наш долг.

Сестра Рут пристально смотрит на меня, и я стараюсь не моргать. Хочу, чтобы она мигнула первой – тогда проиграет.

– Иногда, если кто-то получает тяжелые травмы, вот как твоя мама, мы вынуждены принимать непростые решения.

Кто моргнет первым, тот проиграл, такие правила.

– Решения, которые пострадавший принимать не в состоянии. Ты это понимаешь, Ханна?

Сестра Рут проиграла.

– Ну что ж... – Она вздыхает.

Я подношу ладонь ко рту и зажимаю пальцами нижнюю губу, чтобы сестра Рут не заметила, как я улыбаюсь. Нельзя смеяться над другими, даже если кто-то проиграл тебе в гляделки.

– Я просто подумала, что мы могли бы поболтать немного, пока не приедет полиция.

Полиция – это исполнительный орган государства. Их задача состоит в том, чтобы расследовать преступные и противоправные действия. Иногда они приезжают, чтобы забрать детей у их родителей. Или родителей у их детей.

– Приедет полиция?

³ Цветы семейства ирисовых.

⁴ Кровоизлияния в область между наружной поверхностью костей черепа и питающей их тканью, надкостницей.

– Ну это обычное дело. Необходимо разобраться, что же привело к несчастному случаю, в котором пострадала твоя мама. Есть такое понятие, как «скрыться с места происшествия» – может, слышала?

– Это значит, что водитель, виновный в дорожно-транспортном происшествии, незаконно скрылся с места аварии, точка.

Сестра Рут кивает.

– И полиция должна расследовать это преступление.

– Значит, этого господина ждут неприятности?

Сестра Рут сощуривает глаза.

– Так значит, это был мужчина? А почему ты спрашиваешь, Ханна?

– Потому что он был очень любезен. Обо всем позаботился и вызвал «Скорую помощь». Сказал, что все будет хорошо, и дал мне свой пиджак, потому что я замерзла, пока мы ждали. И уехал только перед тем, как прибыла машина «Скорой помощи». Мне кажется, он испугался так же, как и мы с мамой.

Я больше не хочу смотреть на сестру Рут. И произношу мышинным голосом:

– И все равно несчастный случай произошел не по его вине.

Это папа придумал мышинный голос – на случай, когда у мамы не задавались дни. Потому как считал, что ее нервирует, если мы говорим слишком громко. «Маме нужен покой, – повторял он, – мама сегодня неважно себя чувствует».

– Что это значит, Ханна? – Похоже, сестра Рут тоже знает про мышинный голос, потому что говорит точно как я. – По чьей же вине это произошло?

Мне нужно обдумать ответ.

Сосредоточься, Ханна. Ты ведь уже большая.

– Мама уже вытворяла глупости по невнимательности.

Сестра Рут выглядит удивленной. Удивлением называется чувство, когда человек слышит или переживает что-то неожиданное. Это может быть что-то приятное – например, подарок, хотя день рождения еще не скоро. Моя кошка Фройляйн Тинки стала такой неожиданно. В тот раз, когда папа пришел домой и сказал, что у него для меня кое-что есть, я подумала, это новая книга или настольная игра, и я смогу поиграть в нее с Йонатаном. Но потом он показал мне Фройляйн Тинки. С тех пор это моя кошка, только моя, и ничья больше.

При этом удивление может быть вызвано чем-то плохим. Очень плохо, например, когда мама посреди ночи выбегает из дома. Нет, уж лучше поскорее подумать о чем-нибудь хорошем... о Фройляйн Тинки. Представляю, какой мягкий у нее мех, тигрового окраса, такой теплый, когда мы вместе сидим на полу перед печкой. Как она лежит у меня на коленях, и я притрагиваюсь к ее шерсти, зарываюсь холодным носом в теплую холку... Какие у нее маленькие, чудные лапки...

– Ханна?

Нет, не хочу. Хочу думать о Фройляйн Тинки.

– У вас дома не все хорошо?

Мама не особенно любит Фройляйн Тинки. Однажды она ее даже пнула.

– Может, у тебя с мамой какие-то неурядицы?

И вообще она рохла, что бы там ни говорил папа. Даже печку не может растопить без его помощи.

– Ханна?

Как-то раз в доме целую неделю стоял холод, и мы так мерзли, что не было никаких сил. И все-таки она моя мама. И когда я думаю о ней, то понимаю, что люблю ее. Любовь чем-то похожа на счастье. Это такое теплое чувство, которое заставляет смеяться, хотя никто при этом не шутил. Вот как сестра Рут смеется, когда говорит о Нине. Сладкоежке.

– Детка, ну скажи что-нибудь!

– Я не хочу, чтобы полиция забрала мою маму! – Это мой львиный голос.

Ханна

Мы с Йонатаном иногда играем в игру. Она называется «Что за чувство?», и мы уже давно в нее играем. Уже не помню точно, но кажется, с тех пор, как мама впервые рассказала нам про «счастье».

– Счастье – особенно удачное, очень приятное стечение обстоятельств, точка.

Это я прочитала в толстой книге, в которой на всё есть ответ. Йонатан сначала просто кивнул, как обычно, когда я зачитывала соответствующий раздел. Но потом он прищурился и спросил, что это, собственно, значит. Я сказала первым делом, что он болван и не слушал меня толком. Всегда нужно внимательно слушать. Не слушать – невежливо. И все же я перечитала определение еще раз. Все-таки Йонатан – мой брат, и неважно, болван он или нет.

– Счастье – особенно удачное, очень приятное стечение обстоятельств, – а потом добавила медленно и отчетливо: – Точка. – Чтобы он понял, в каком месте заканчивается мысль.

Но Йонатан, по-прежнему щурясь, сказал:

– Сама болваниха. Это я уже понял. Я спрашиваю, как оно ощущается в теле.

– Как ощущается счастье? – спросили мы тогда маму.

Она обняла нас и ответила:

– Вот так.

– Тепло, – заключил Йонатан и предположил, что у мамы повышена температура.

Я уткнулась носом в ямку между ее плечом и шеей. От нее пахло лугом. Счастье выдает себя теплом и легкой лихорадкой, у него есть запах, и даже пульс отмеряет удары, как секундная стрелка на кухонных часах.

Еще мы рассуждали о том, как ощущается испуг, мы с Йонатаном.

– Испуг – это как пощечина, – предположил Йонатан.

– Такая, чтоб внезапно, – добавила я.

И мы оказались правы. Это и есть испуг, именно так его можно распознать по лицу. Глаза широко раскрыты от неожиданности, и щеки пылают, как от невидимой, крепкой затрещины.

Именно так выглядит теперь сестра Рут. Я закричала на нее львиным голосом:

– Я не хочу, чтобы полиция забрала мою маму!

– Ханна...

Голос у сестры Рут немного дрожит. Наверняка от испуга. Надо рассказать об этом Йонатану, первым делом приходит мне в голову, чтобы запомнить: испуг = пощечина + неожиданность + дрожащий голос. Потом я вспоминаю, что Йонатан сейчас дома, мучается с ковром, а уж после этого – что сестра Рут говорила насчет полиции. Теперь мне грустно, до слез.

Грусть – это неприятное чувство. Она представляется мне мелким зверьком с острыми зубками. Этот зверек живет в каждом человеке и почти все время спит. Но иногда он просыпается, и ему хочется есть. Тогда можно ощутить, как он вгрызается в сердце. Это не причиняет боли – то есть не причиняет такой боли, что приходится кричать, – но от этого одолевает слабость, и хочется отдохнуть. Должно быть, сестра Рут заметила, что я чувствую небольшую слабость, и потому забывает про свой испуг. Она встает – ножки стула при этом скребут по полу, – обходит стол и прижимает мою голову к своей толстой, мягкой груди.

– Я понимаю, все это немного слишком для такого маленького человечка. Но тебе нечего бояться, Ханна. Никто не желает ничего плохого, ни тебе, ни твоей маме. Порой бывает так, что семья нуждается в помощи, и люди сами этого не сознают.

Ее теплая ладонь накрывает мне ухо. Я слышу шелест моря и закрываю глаза.

«Вообще-то, чтобы услышать море, нужно поднести к уху раковину, – когда-то давно объясняла мама. – Хотя на самом деле получится с любым полым предметом. Вот, например, с консервной банкой или просто ладонью».

«А как же туда попадает море?» – спросила я.

«Ну, если быть точным, ты слышишь шум собственной крови. Но ведь куда приятнее представлять, что это море, не правда ли?»

Я кивнула и спросила, что такое консервная банка. Я была тогда еще маленькая и не знала, что консервные банки могут быть очень опасными. Что они сделаны из металла, и крышка, которую открывают консервным ножом, такая острая, что можно тяжело поранить себя или других...

Сестра Рут отнимает ладонь от моего уха. Море замолкает.

– Может быть, вам требуется помощь, Ханна? – Она опускается передо мной на корточки и берет мои руки, лежащие у меня на коленях.

– Нет, – отвечаю я. – Вообще-то мы знаем, как все работает. У нас есть правила. Только вот мама иногда их забывает. Но, к счастью, у нее есть мы. Мы ей обо всем напоминаем.

– И все-таки она совершает глупости? Ты ведь так сказала? Что мама уже вытворяла глупости по невнимательности.

Я наклоняюсь вперед и складываю ладонь в секретную трубку. Это мы с Йонатаном придумали такой способ говорить, но нам нельзя использовать его, когда папа дома. Сестра Рут поворачивает голову, чтобы я могла приложить секретную трубку к ее уху.

– Она хотела по неосмотрительности убить папу, – шепчу я.

Сестра Рут отдергивает голову. Испуг, я отчетливо это вижу. Качаю головой, беру ее за подбородок и вновь поворачиваю ухом к секретной трубке.

– Не надо рассказывать об этом полиции. Йонатан отчищает пятна с ковра.

Лена

Ему хочется троих, говорит он, очищая луковицу. Безмятежно снимает шелуху, с таким звуком, словно пластырь сдирают с кожи. Уже этот звук причиняет мне боль. Я стою рядом с ним на кухне и смотрю на нож в его руке. Это нож с тонким зазубренным клинком, достаточно острым.

– Ты меня слышишь, Лена?

– Конечно, – отвечает ему женщина, которую я начинаю ненавидеть всем своим существом.

Она принадлежит ему. Этот человек получает от нее все, что захочет, и уже в полной мере овладел ею. Ее телом, ее гордостью, ее достоинством. И все-таки она улыбается ему в лицо. Эта женщина меня отравляет.

– Тебе хочется троих.

– Всегда хотелось. А тебе?

Женщина тоже всегда хотела троих. Я вообще никого не хотела, но моего мнения никто не спрашивает. Порой меня одолевает желание свыкнуться со всем этим. А в другие дни я понимаю, что ни в коем случае не должна этого допустить. Я собираю воедино последние резервы, мельчайшие осколки сломленной воли, остатки разума и воспоминания – и прячу их в надежном месте. Как белка, что закапывает припасы на зиму. Остается только надеяться, что ни ему, ни этой слабой женщине не удастся отыскать мой тайник. Потайной уголок, где существует небо и дурацкие утяжелители для скатерти.

– Хочешь бокал вина?

Он разрезает луковицу на четвертинки, кладет нож рядом с доской и поворачивается ко мне. Нож лежит вот так, на столе. Ничего не стоит дотянуться до него. Я с трудом

отвозжу от него взгляд. Вновь смотрю ему в лицо, с глуповатой улыбкой той безвольной женщины.

– Да, спасибо.

– Отлично. – Он улыбается в ответ и отходит к обеденному столу, где стоят еще не разобранные бумажные пакеты с покупками. – Красного или белого? Я взял того и другого, потому что не знал, какое ты предпочтешь к спагетти.

Он стоит вполоборота ко мне, склонившись над покупками, запустив правую руку в один из пакетов. И нож лежит рядом с разделочной доской, дотянуться до него ничего не стоит. «Сейчас!» – кричит внутренний голос.

– Лена?

Бумажный пакет шуришит, когда он достает первую бутылку. Сейчас!

– Красного, если позволишь.

– Да, мне тоже по душе красное.

Он оборачивается, довольный, с бутылкой в руке. Безвольная женщина опирается рукой о кухонный стол. Палец робко тянется к ножу. Их разделает всего пара сантиметров, и вместе с тем – целая пропасть. Он готовит для меня. Мы вместе едим и выпиваем красного вина за то, чтобы я поскорее забеременела. Ему хочется троих детей. Мы станем самой счастливой семьей...

– Фибрилляция ⁵ предсердий!

Ханна

Сестра Рут вышла из комнаты так поспешно, что едва не споткнулась. Она сказала, чтобы я сидела здесь и ждала ее, так что я не двигаюсь. Во всем нужно слушаться взрослых, даже таким смышленным, как я. Хотелось бы обмерить комнату, но мне сказано сидеть, так что я принимаюсь считать. Люблю считать, когда мне нельзя двигаться, и в голову не приходит ничего другого, над чем можно было бы поразмыслить. Так время проходит интереснее. Мой братец всякий раз напевает песенку, когда ему скучно, хотя и это кажется мне скучным, потому что он всегда напевает одно и то же. Самое занятное в счете то, что никогда не знаешь, до какой цифры доберешься, пока пройдет время.

Когда вернулась сестра Рут, я досчитала до 1128 и чуть не забыла встать. Когда отворяется дверь, всегда нужно вставать и показывать руки. Ногти должны быть чистыми, и в руках нельзя прятать ничего такого, чем можно поранить себя и окружающих. Но сестра Рут даже не присматривается и говорит, что я могу сесть. У нее с собой альбом и острые карандаши.

– Есть отличная идея, Ханна, – сообщает она.

Я должна что-то нарисовать. Только вот мне ее идея не кажется такой уж замечательной. Спору нет, карандаши красивых цветов. Красный и желтый, и синий, и черный, и лиловый, и розовый, и коричневый, и зеленый. Но у них такие острые грифели... Я беру красный карандаш и осторожно трогаю большим пальцем грифель – да, очень острый. Дома мы рисуем восковыми карандашами. И пишем ими же.

– А зачем мне что-то рисовать?

Сестра Рут пожимает плечами.

– Ну, во-первых, так мы скоротаем время, пока тебе не разрешат пойти к маме, а во-вторых, мы сможем сказать, что очень заняты, когда явятся полицейские и будут задавать дурацкие вопросы. Что скажешь?

– И что мне нарисовать?

⁵ Хаотическая дрожь камер сердца.

Сестра Рут снова пожимает плечами.

– Хм... может, просто нарисуешь, что у вас произошло сегодня, перед тем как вы с мамой попали к нам?

Сама того не замечая, я начинаю грызть кончик карандаша. С него слезают мелкие чешуйки и липнут к языку. Я облизываю ладонь, чтобы их снять.

– Нет, – говорю затем. – У меня есть идея получше. Нарисую картинку для мамы и потом подарю ей.

– Ладно. Уже придумала, что бы такое нарисовать?

– Пожалуй... – Я задумываюсь. – Что-нибудь такое, что наверняка ее обрадовало бы.

Сестра Рут сгорает от любопытства. Так она говорит, и по ней это видно. Глаза у нее широко раскрыты, и брови приподняты, так что лоб складывается морщинками. Я откладываю красный карандаш и беру синий. С большой осторожностью. Острый грифель может быть очень опасным. Первым делом я рисую лицо моей мамы. Сестра Рут спрашивает, почему оно синее. Я цокаю и закатываю глаза. Должно быть, сестра Рут тоже иногда не соображает, как мой братец.

– Потому что у меня нет белого карандаша. И на белой бумаге его все равно не было бы видно, – объясняю я.

Далее рисую маме туловище, в красивом длинном платье – тоже синим карандашом, хотя оно должно быть белым. Желтым рисую ей длинные волосы, а потом черным – деревья, с которых ветки, похожие на скрюченные пальцы чудовищ, тянутся к маме, пытаюсь ее схватить.

– Выглядит довольно устрашающе, – комментирует сестра Рут. – Ханна, расскажи мне о своем рисунке.

– Это история о маме и папе, и о том, как они полюбили друг друга. Как-то поздним вечером мама шла по лесу. Видите, как красиво блестят у нее волосы в лунном свете?

– Она и в самом деле выглядит очень мило. Ханна, твоя мама была одна в лесу?

– Да, и ей было очень страшно, поэтому я не нарисовала ей улыбку. Видите?

– Отчего же ей было так страшно?

– Она заблудилась. Но потом...

Я принимаюсь рисовать папу, как он выходит из-за дерева.

– Потом приходит мой папа. Это лучшая часть в истории. Он появляется словно из ниоткуда и спасает ее. – Я исправляю рот мамы, так что теперь она улыбается. Обвожу пожирнее, и ее губы становятся похожи на красный банан. – И они влюбились друг в друга с первого взгляда.

Дорисовываю несколько сердечек, после чего, довольная собой, откладываю карандаш. Красное сердечко считается главным символом любви. Я нарисовала шесть штук, в знак очень большой любви.

– Ух ты, – восклицает сестра Рут. – Звучит прямо как в сказке.

– Нет. Это не сказка, а реальная история. Мама всегда так рассказывает. Если б это была сказка, то и начиналась бы со слова *однажды*. Это общепринятое вступление к сказкам и легендам. Я часто прошу маму рассказать эту историю, особенно когда вижу, что ей грустно. Когда она рассказывает мне ее, то всегда улыбается.

В доказательство я указываю пальцем на мамины губы, похожие на красный банан.

Сестра Рут склоняется над столом.

– А что это у твоего папы в руке?

– Это платок, которым он завязал маме глаза, потому что хочет сделать ей сюрприз. Мама ведь не должна знать, куда они теперь пойдут.

– А куда они должны пойти, Ханна?

– Домой, куда же еще, – говорю я. – В хижину.

Лена

Будь благодарна.

Господь благословил тебя.

У тебя прекрасный дом.

У тебя есть семья.

У тебя есть все, о чем ты всегда мечтала.

Этот голос в голове, он словно доносится откуда-то издалека. Пустота, она обжигает желудок. Невозможно, чтобы пустота обжигала. И все же как больно она обжигает, эта пустота. Челюсть сводит от напряжения, пока я дрожащими пальцами пытаюсь открыть банку какао. Крышка не поддается. Будь она проклята, эта банка... Я чувствую, как пот стекает по лбу, щиплет шрам над бровью. На кухонном столе рядом с пачкой молока стоят две миски, красная и синяя, обе в белую крапинку, обе из меламина, небьющиеся. Дети должны позавтракать, сейчас. Завтрак в семь тридцать. Неужели так сложно это усвоить? Детям нужен четкий распорядок. Дети нуждаются в сбалансированном завтраке.

И ты называешь себя матерью?

Я называю тебя чудовищем.

Я слышу, как они беснуются у меня за спиной – **дети, прошу вас, не так громко!** На кухне, в обеденной зоне и в гостиной царит хаос. Дети мечутся по комнате, их вопли сотрясают стены – пожалуйста, уgomонитесь! Время от времени кто-то из них перескакивает через спинку дивана и плюхается на подушки. Звук, подобный громкому и тяжелому вздоху, повторяется вновь и вновь – **прекратите, хватит!** У меня вот-вот разорвет череп, давление в голове невыносимо. Крышка не поддается. Будь проклята эта банка.

– Мама?

Я вздрагиваю. Моя дочь внезапно оказывается рядом и с любопытством протискивается к столу. Какая же она маленькая... Крошечная, хрупкая девочка с тонкими светлыми волосами и бледной кожей.словно маленький ангел. Не из тех опрятных, розовощеких херувимов, каких моя мама собирает на полке в столовой. С этим ангелом как будто что-то не так. Это скорее неудавшийся пробный экземпляр.

– Ханна, – я произношу ее имя, словно констатирую факт, не вкладывая чувств.

– Тебе помочь, мама?

Я смотрю в ее бледно-голубые глаза: она не обижается на меня за мой безучастный тон. Или просто не считает нужным обижаться. Молча киваю и пододвигаю к ней банку с какао. Без видимых усилий Ханна свинчивает крышку и весело улыбается.

– Та-даам!

– Спасибо, – выговариваю я с трудом.

Она разворачивается, хочет вернуться к игре, но я хватаю ее за руку. Конечно, не рассчитав силу – а Ханна такая маленькая и хрупкая... Я поспешно отпускаю ее.

– Прости. Тебе не больно?

Ханна хмурит лоб и кривит губы, словно я сказала какую-то глупость.

– Нет, конечно. Ты бы никогда не сделала мне больно, мама.

Теплое чувство заполняет мою внутреннюю пустоту. Пытаюсь улыбнуться.

– Может, поможешь мне еще немного?

Точно в доказательство, я вытягиваю вперед дрожащие руки. Но Ханна уже и так кивнула, приподнялась на носки и взяла ярко-зеленую пластмассовую ложку, лежащую тут же на столе. Она кладет по две ложки какао в каждую чашку, осторожно заливает молоком и перемешивает. При этом задумчиво и монотонно считает, сколько оборотов сделала ложкой.

– Один, два, три...

Монотонный счет, звон ложки. Голос у меня в голове непрестанно стучится в сознание, пока не появляется брешь. Этот голос произносит: «Она твоя дочь, и ты должна любить ее. Хочешь ты этого или нет».

– ...семь, восемь...

Дышать все труднее. Ноги становятся ватными. Я хватаюсь за край стола в поисках опоры и не нахожу ее.

Потолок медленно опрокидывается, пол начинает вращаться. Я отдаюсь во власть бессилия, медленно, без спешки погружаюсь в благословенную тьму. Спасибо.

– Папа! – слышу я словно сквозь толщу воды. – У мамы опять припадок!

– Пульс стабилизируется!

Ханна

Сестра Рут спрашивает, что я имею в виду под словом *хижина*.

Сначала мне хочется стукнуть ее по голове, чтобы она сама пораскинула мозгами. Но я все-таки решаю, что лучше ей помочь. Всегда нужно помогать другим.

– Хижина – это маленький дом из бревен. В лесу.

Сестра Рут кивает, как будто поняла, только брови у нее по-прежнему приподняты, и челюсть отвисает еще ниже, словно слетела с креплений. По лицу можно многое прочесть, если хватает ума.

– Хочешь сказать, вы живете в лесу? В хижине?

Я медленно киваю и говорю:

– Очень хорошо.

Мне самой нравится, когда меня хвалят. Если мама во время занятия задает мне вопрос, и я правильно отвечаю, она тоже всегда говорит: «Очень хорошо, Ханна». Тогда думать становится куда интереснее. Возможно, сестру Рут это тоже подстегнет.

– А раньше ты где-нибудь жила, Ханна? В настоящем доме?

– Хижина – это настоящий дом! Папа обустроил ее специально для нас. Там хороший воздух. И рециркулятор ломался всего пару раз. Он всегда должен тихонько гудеть, а иначе что-то не в порядке. По счастью, у меня очень чуткий слух. Я сразу замечая, когда с рециркулятором что-то не так – прежде, чем у нас начнет болеть голова. Но папа сразу все чинил. Он говорил, что случился небольшой сбой, ничего серьезного. Папа много всего умеет.

Сестра Рут мигает часто-часто.

– Что... – начинает она, но тут же замолкает.

Я тоже молчу. Мне кажется, она наконец поняла, что должна думать своей головой. Мама тоже всегда ждет, если правильный ответ не приходит мне на ум сразу. Она говорит: «Какой толк, если я буду подсказывать тебе все ответы. Нужно привыкать думать собственной головой. Подумай, Ханна. Сосредоточься. Ты можешь».

– Что, – повторяет сестра Рут, – за реци... рецирк...

– Рециркулятор воздуха. Непросто выговорить, да? Знаете, что я делаю, если слово слишком сложное?

Сестра Рут снова молчит.

– Я проговариваю про себя слово до тех пор, пока оно не отложится в голове. И новые слова даются мне лучше, чем Йонатану. Иногда достаточно два раза произнести про себя слово, а иногда нужно проговорить десять раз.

Сестра Рут все еще молчит. Возможно, она уже пробует мой способ и проговаривает про себя сложное слово.

Но вот у нее вздрагивают губы.

– А ты не расскажешь, что это за... – она набирает воздуха перед сложным словом, – рециркулятор воздуха?

– Очень хорошо, – я снова хвалю сестру Рут и радуюсь ее успехам и своим собственным. Из меня получается хороший учитель, это у меня от мамы. – Рециркулятор обеспечивает нас воздухом, – я стараюсь говорить как можно медленнее, чтобы не перегружать сестру Рут. – Человек не может жить без кислорода. В день мы вдыхаем и выдыхаем от десяти до двадцати тысяч литров воздуха. Это примерно столько же, сколько вмещают от десяти до двадцати тысяч пачек молока. Вдыхаемый воздух содержит примерно двадцать один процент кислорода и ноль целых три сотых процента диоксида углерода. Выдыхаемый воздух состоит примерно на семнадцать процентов из кислорода и четырех процентов диоксида углерода, точка. С рециркулятором в хижину поступает хороший воздух, а плохой отводится наружу. Иначе мы задохнулись бы.

Сестра Рут подносит ладонь ко рту. Я замечаю, что она немного дрожит. Не только рука, но вся сестра Рут целиком.

– А почему вы просто не откроете окно?

Мне кажется, это вопрос, но звучит совсем не так. Вообще-то, если хочется что-то спросить, нужно обозначать это голосом в конце предложения. Я принимаюсь сортировать карандаши, длинной прямой линией, от светлого к темному, начиная с желтого и заканчивая черным.

– Ханна?

Вот, сестра Рут обозначила голосом вопрос. Я поднимаю глаза от своей пестрой линии, смотрю на нее.

– Может, хотя бы скажешь, кто такой Йонатан?

– Это мой брат.

– И Йонатан тоже живет в хижине? С тобой и твоими родителями?

– Само собой. Он же не сделал ничего такого. С чего бы нам его отсылать?

– А расскажи мне о пятнах на ковре.

Теперь сестра Рут садится очень прямо и даже выигрывает в гляделки. Это из-за того, что у меня снова слезятся глаза. Все из-за яркого света и усталости.

– Ханна? Ты говорила, что Йонатан отчищает пятна с ковра. Что за пятна, Ханна?

Я мотаю головой и говорю:

– Я устала. И хочу к маме.

Сестра Рут тянется через стол и берет меня за руку. При этом она задевает два карандаша в моей линии, синий и зеленый.

– Знаю. Но поверь мне, когда к ней можно будет заглянуть, врачи сразу дадут нам знать. Может, пока нарисуй еще что-нибудь? Смотри, какой толстый. – Она выпускает мою руку и показывает на альбом. – Тут еще столько чистых листов.

Я пожимаю плечами. Вообще-то мне больше не хочется рисовать.

Сестра Рут делает задумчивое лицо, с прищуренными глазами и поджатыми губами.

– А что, если ты нарисуй всю свою семью? И своего брата, Йонатана. – Она улыбается. Она хорошо слушала и запомнила его имя. – Вы с Йонатаном ладите? Или иногда ссоритесь?

– Мы ссоримся, только если Йонатан валяет дурака.

У сестры Рут вырывается смешок.

– Понимаю. А скажи, твой брат старше тебя или младше?

Я вырываю из альбома лист с мамой и папой в лесу и откладываю в сторону. Потом беру синий карандаш и принимаюсь рисовать на новом листе лицо Йонатана.

– Младше, – произношу я. – На два года.

– Так, не подсказывай, попробую угадать. Тогда ему... – говорит сестра Рут и задумывается. – Хм, это непросто. Думаю, ему... шесть?

Я поднимаю глаза от рисунка. Бедная, глупенькая сестра Рут, видно, совсем не умеет считать.

– Тринадцать минус два... – я пытаюсь помочь ей, но она только таращится на меня. – Конечно же, ему одиннадцать, – подсказываю я наконец.

Похоже, сестре Рут и в самом деле многому еще нужно поучиться.

Ханна

Учеба имеет большое значение. Нельзя оставаться глупым. Мне обучение дается легче, чем Йонатану, так всегда было. Сносно читать он научился лишь в четыре. Конечно, мы знаем, что такое школа. Школа – это такое заведение, где дети и подростки получают образование. По счастью, нам не приходится туда ходить. Дорога туда полна опасностей. Мы можем заблудиться, или на нас могут напасть. И вообще, в школу нужно ходить только глупым детям, таким, которые не могут обучаться самостоятельно. Думаю, сестре Рут тоже приходилось посещать школу в детстве. Но я давно это подозревала, и должно быть, это правда: в школе только делают вид, что обучают детей важным вещам. А в действительности они остаются глупыми. Это же видно по сестре Рут. Такой простой счет, из тринадцати вычесть два... Кажется, сестра Рут теперь стыдится того, что не может решить такую легкую задачу. Она даже спрашивает, правда ли то, что я сказала ей. Поэтому я прекращаю рисовать Йонатану штаны, переворачиваю лист и вывожу тринадцать черточек. После чего перечеркиваю две из них и медленно, вслух пересчитываю оставшиеся. Конечно же, их осталось одиннадцать. Тринадцать минус два равно одиннадцать. И вообще некрасиво с ее стороны думать, что я лгу, только потому, что *она* не умет считать. Я бы никогда не солгала. Лгать нельзя. Я так ей и говорю, потому что она, похоже, и этого не знает, бедная, глупенькая сестра Рут.

– Ханна, – теперь она говорит так, словно готова расплакаться, – эта хижина. И реци... ре...

– Рециркулятор! – я снова перехожу на львиный голос.

Сестра Рут вздрагивает. Испуг, снова. Широко раскрытые глаза и красные щеки. Только на этот раз мне ее не жаль. Она просто не хочет приложить усилий.

– Я этого не потерплю! – вновь звучит мой львиный голос, и я ударяю ладонью по столу.

Карандаши подскакивают, зеленый даже скатывается со стола и стучается об пол. Нельзя вот так, специально выставлять себя дураком. Я лезу под стол за зеленым карандашом, а когда сажусь обратно, сестра Рут просит прощения. Хотя бы так. Всегда нужно просить прощения, если сделал что-то неправильно.

– Я не хотела злить тебя, Ханна, – говорит она. – Конечно, ты оказалась в непростой ситуации. Понимаю. Но знаешь, мне хочется во всем разобраться. Я бы с удовольствием послушала, какой у вас дом. Больше никого не знаю, кто проживал бы в хижине.

Я снова переворачиваю лист и продолжаю рисовать штаны для Йонатана. Это его любимые штаны, синие. Ему разрешается надевать их только по воскресеньям.

– Ханна?

Поднимаю голову.

– Ты меня прощаешь?

Киваю и возвращаюсь к рисунку. Йонатану также достается любимая футболка. Когда она была еще новой, то прямо светилась. Думаю, он бы обрадовался, если б узнал, что на моем рисунке одет в свою любимую одежду. В довершение я рисую ему вьющиеся волосы. Почти черные, как у папы. Рядом с Йонатаном, на уровне его плеча, я начинаю рисовать свое лицо.

Я и себе нарисую свое любимое платье, белое в цветочек. Мы все будем опрятными на моем рисунке.

– Вы не можете открыть окно, Ханна? Поэтому вам нужен этот...

– Рециркулятор, – бормочу я.

– У вас в хижине нет окон?

– Есть, конечно.

Для моих выющихся волос мне нужен желтый карандаш.

– Но вы их не открываете? Почему же?

– Слишком опасно. По этой же причине мы закрыли их щитами.

Я раздумываю, не будет ли жульничеством нарисовать себе красную ленту для волос. Вообще-то у меня нет красной ленты, только темно-синяя. Но красная куда лучше смотрелась бы с цветочками на моем платье.

– Это твой папа сделал, Ханна? Ты говорила, что он много всего умеет.

– Да.

Рука осторожно тянется к красному карандашу. При этом я смотрю на сестру Рут. Вообще-то она не знает, что у меня нет красной ленты, но я беспокоюсь, что по моему лицу видно, что я хочу сжульничать. Беспокойство – это не совсем страх, но и в нем мало хорошего. Беспокойство напоминает скорее тошноту, как будто болит живот и не знаешь, стоит вызывать рвоту или нет.

Папа тоже испытывал беспокойство, когда мама ушла от нас. Он говорил, что не знает, вернется ли она, и потом заплакал. Папа никогда раньше не плакал. Я протянула руку к его лицу и ощутила липкие слезы на щеках. Он этого не говорил, но я сразу поняла, что мама ушла, в том числе и по моей вине, из-за этой истории с Сарой. Йонатан тоже это знал. Он только таращился на меня и несколько дней со мной не разговаривал, пока я не напомнила ему, что он и сам едва терпел Сару.

– Знаешь, Ханна, мне тут пришла в голову мысль. Ты так старательно нарисовала своего брата. Сразу видно, что он тебе дорог. Может, мы пошлем кого-нибудь к вам домой, чтобы посмотреть, как он справился с ковром? Или помочь ему с этими пятнами?

Я хватаю красный карандаш, не спуская глаз с сестры Рут. Но ее, кажется, не заботит, что я собираюсь сжульничать с цветом.

– Или, – продолжает она невозмутимо, – мы можем привезти его сюда, к тебе. Тогда вы могли бы вдвоем дожидаться маму. Порой происходящее кажется не таким уж плохим, если рядом родной человек.

– Не думаю, что Йонатану здесь особо понравится, – отвечаю я. Придуманная красная лента и впрямь смотрится красиво с платьем в цветочек. – Мне кажется, он бы задрожал, если бы ему пришлось оказаться здесь.

– Но ты держишься бойко и не дрожишь.

– Да, так и есть. Но я, наверное, просто посмелее, чем Йонатан. Потому что старше его, или немного умнее, или и то и другое. И вид крови напугал его куда сильнее, чем меня. И шум его тоже напугал.

– Какой шум?

– А откуда, по-вашему, взялись эти жуткие пятна на ковре?

Сестра Рут выглядит так, будто раздумывает, но я уже знаю, что ей это не особенно дается.

– Как будто кто-то бросил арбуз на пол, – объясняю я, чтобы избежать очередного конфуза. – Такой получается звук, если проломить кому-то голову. *Памм!* – произношу я по-львиному, а потом добавляю обычным голосом: – А потом стало совсем тихо.

Маттиас

4825 дней.

Я отсчитывал и проклинал каждый из них. Седины в волосах прибавилось, сердце совсем расшалилось. В первый год я ежедневно проезжал по ее последнему маршруту. Распечатывал листовки и не пропускал ни единого столба, чтобы наклеить их. Самовольно расспрашивал ее предполагаемых друзей и поставил на место пару личностей. По несколько раз на дню звонил своему давнему другу Герду. Герд Брюлинг, будучи главным комиссаром полиции, возглавлял следственную группу, что разыскивала мою дочь. А когда поиски не увенчались успехом, я прекратил дружбу с господином Брюлингом. В какой-то момент, осознав собственное бессилие, я решил хотя бы положить конец лжи. Я давал множество интервью, пятьдесят или даже больше.

Лена исчезла вот уже 4825 дней назад. И ночей. Почти четырнадцать лет. За этот срок с любым телефонным звонком можно было ждать новости, которая все изменила бы. Нашу дочь похитили и требовали выкуп. Нашу дочь выловили из Изара ⁶, посиневшую и распухшую до неузнаваемости. Нашу дочь нашли, изнасилованную, убитую и выброшенную, словно мусор, возможно, за границей, в какой-нибудь стране бывшего соцлагеря...

– Маттиас? Ты слушаешь? – Голос у Герда хриплый от волнения.

Я не отвечаю, просто пытаюсь дышать. Телефонная трубка трясется в мокрой от пота правой руке.левой опираюсь о комод. Все в нашей прихожей теряет устойчивость, лестница, ковер, гардероб как будто набегают на меня, подхваченные волной. Пол проминается под ногами. Рядом стоит Карин. Заспанная, она спустилась вниз, узнать, почему я так долго не возвращаюсь в спальню. Нервно теребит пояс своего махрового халата кремового цвета и шепчет:

– Ну что там, Маттиас? Что случилось?

Я с трудом сглатываю, пропускаю через себя ком в горле, услышанную новость и ее значение, и четырнадцать невыносимых лет. Столько раз в нашем воображении Лена гибла самым жутким образом. Столько лет мы истязали себя сотнями различных сценариев. И со временем отбросили лишь один из них: что, если однажды зазвонит телефон и нам сообщат, что наша дочь найдена живой?

– Лена, – произношу я сипло.

Карин закрывает глаза и делает несколько неуклюжих шагов назад. Наконец упирается спиной в стену и медленно оседает на пол. Закрывает лицо руками и всхлипывает – тихо, без надрыва. Должно быть, слишком много прошло времени; 4825 дней оставили слишком мало надежд. Она скорее вздрагивает, бессильная против приступа икоты и скорби.

– Нет-нет, – мне наконец удастся пересилить немоту, и я протягиваю руку к жене.

– Маттиас? – Голос Герда в трубке.

– Что «нет-нет»? – говорит Карин, сидя у стены.

– Там считают, что она была похищена. Но теперь Лена у них. Она жива. – Я едва слышу собственный голос и повторяю: – Она жива.

– Что?

Карин неловко поднимается. Ноги у нее подгибаются, и она снова теряет равновесие, но я удерживаю ее за руку.

– Да, – хрипло звучит голос Герда на том конце провода.

Сведения, что он сообщил мне сейчас, еще довольно смутные. Я не знаю, возможно, Герд не может ничего больше сказать, или не хочет, или не имеет права. Он лишь сообщил, что сравнение по базе данных дало результат. Завтра же утром он поедет в больницу, что в городке

⁶ Изар – приток Дуная, текущий через Баварию.

Кам, у чешской границы, и установит личность Лены. Кам, всего два с половиной часа езды от Мюнхена. Так близко, должно быть, все это время Лена находилась так близко... И я не смог ее разыскать.

– Я поеду с тобой, – заявляю я. – Не будем ждать до утра, поехали сейчас же.

– Нет, Маттиас, не получится, – говорит Герд тоном взрослого, который пытается утихомирить капризного ребенка. – Это тебе не обычное...

– Мне все равно, – упрямится ребенок. – Более того, мне плевать! Я одеваюсь. Заезжай за мной.

Слышу, как Герд вздыхает в трубку.

– Ты мне обязан, – вставляю я, чтобы ему не вздумалось втолковывать мне о служебных процедурах. – Едем.

Герд снова вздыхает, я кладу трубку. Прикидываю, что дам ему полчаса, чтобы заехать за мной. Если он не явится, я поеду сам, и точка. В Кам, к Лене. Я обнимаю Карин, и ее горячие слезы впиваются в ткань моей пижамы.

– Она жива, – бормочу я, уткнувшись лицом в ее волосы. Как чудесно это звучит: она жива...

Через пятнадцать минут мы уже одеты. Карин даже расчесала волосы. Теперь мы топчемся в прихожей, неотрывно глядя на входную дверь. Сквозь вставки матового стекла мы сразу увидим свет фар, когда Герд подъедет к дому. Мне лишь приходит в голову мысль, и Карин ее высказывает:

– Не будем ждать.

Лихорадочно киваю и хватаю с комода ключи от машины.

В Кам, к Лене. Она жива.

* * *

В нашем старом «Вольво» мы поворачиваем к выезду на автобан, и только тогда лопается пузырь, что вздулся вокруг меня с момента, как позвонил Герд. Я вдруг спрашиваю себя, не следует ли все-таки дождаться его. Разумно ли брать с собой Карин. В голове вновь проносятся слова Герда.

«Послушай, Маттиас, это еще не точно. Но мне сейчас позвонил коллега из Кама. В лесу, недалеко от чешской границы, сбита молодая женщина. Предположительно ее имя Лена. Они полагают, что несчастный случай каким-то образом связан с похищением, поэтому проверили по базам данных. Есть некоторые сходства: например, шрам на лбу. Правда, она получила тяжелые травмы, в данный момент находится в отделении экстренной хирургии, и поговорить с ней пока нет возможности. Ты слушаешь? Маттиас?»

«Лена», – выговорил я хриплым голосом, глядя на Карин.

«Да, – подтвердил Герд. – Завтра же утром поеду в Кам. Пока мы безошибочно не установим личность женщины...»

И я:

«Я поеду с тобой».

* * *

– Карин, думаю, нужно тебя предупредить, – произношу я.

Теперь мне ясно, что слова Герда связаны, возможно, не только с нарушением служебных процедур. Следовало раньше сказать Карин, когда мы еще одевались. Но едва ли я мог проговорить что-то, кроме «она жива». Потрясенно, растерянно, трепетно.

– Герд сказал, что она в отделении экстренной хирургии. Возможно, она тяжело ранена. Ты вообще готова увидеть ее в таком состоянии?

– С ума сошел? Это же наша дочь!

Карин права. Мы нужны Лене, особенно в нынешнем ее состоянии. Я вдавливаю педаль газа в пол и выжимаю из старенькой машины все, на что она способна. Спустя почти четырнадцать лет нас отделяют от дочери какие-то сто восемьдесят километров.

«Чао, папка! Увидимся! И спасибо еще раз!» – звучит в памяти ее звонкий голос, и я представляю, как она сбегает по ступеням в палисадник.

В день своего исчезновения Лена заходила к нам выпить кофе после того, как возле кампуса у нее украли велосипед. Мы договорились, что не скажем маме насчет денег. Карин считала, что нашей дочери следует становиться самостоятельной и, по примеру многих других студентов, найти подработку. Я же полагал, что это не подлежит обсуждению. Наша дочь должна сосредоточиться на учебе. И теперь ей понадобился новый велосипед. Поэтому я тайком дал ей триста евро.

Чао, папка! Увидимся!

Пока, мой ангел, увидимся через 4825 дней...

– Маттиас?

Карин держит мой телефон. Только теперь слуха достигает мелодия звонка, и я замечаю голубоватое свечение в полумраке салона.

– Герд, – догадываюсь я и представляю, как он стоит перед нашим домом, несколько раз звонит в дверь и понимает, что мы уехали без него. Бросаю взгляд на часы на приборной панели. Он приехал без опоздания. – Ответь сама.

Герд ворчит так, что даже мне слышно. Карин просит прощения за нас обоих.

– Мы просто не могли ждать, ты должен понять нас.

И пусть Карин передаст мне, что я все такой же идиот. Это я тоже слышу и усмехаюсь, подавшись на мгновение чувству ностальгии. Мы с Гердом были лучшими друзьями прежде, в прошлой жизни.

– Да, конечно, не беспокойся, Герд, – произносит Карин и отключается. В машине снова становится темно. – Сказал, что встретимся у больницы. И нам не следует ничего предпринимать, пока он не приедет. В том числе из-за его коллег.

Я фыркаю, ощущение тоски пропадает без следа.

– Как будто мне есть дело до его коллег... Мы хотим знать, что произошло с нашей дочерью, и точка.

Слышно, как Карин копается в сумке. Наверное, хочет убрать мой телефон. Но потом я слышу знакомый звук надрыва, с каким открывается клейкий клапан на пачке бумажных платков. Замечаю краем глаза, как она утирает платком лицо.

– Похищена, – всхлипывает Карин. – Если это было похищение, почему никто не позвонил нам с требованием выкупа?

Я пожимаю плечами.

– Потому что хватает больных, которые похищают девушек, чтобы владеть ими.

Я невольно вспоминаю Марка Суттхоффа. Что, если он все же причастен к исчезновению Лены? Господи, он ведь был у меня в руках...

– Что за жуткое слово – *владеть*...

Голос Карин накладывается на образ у меня в голове.

Я обеими руками держу его за воротник, приперев к стене. Смотрю в его багровое лицо.

Отвечай, скотина, где она?

– Знаю, – произношу я вслух.

Карин шумно шмыгает.

– Как думаешь, она оправится? Я говорю не про эту аварию...

– Она сильная, всегда такой была. – Я ободряюще улыбаюсь и похлопываю Карин по коленке.

Остаток пути мы проводим в молчании, лишь время от времени кто-то из нас тихо покашливает. Но я знаю, какие мысли бродят в голове у Карин. Она думает, до какой степени эта молодая женщина, с которой мы сегодня воссоединимся, осталась нашей дочерью. По прошествии стольких лет и после всего, что ей, вероятно, пришлось вынести. Раньше Карин часто повторяла что-нибудь в духе «надеюсь, это хотя бы не затянулось» или «только бы для нее все благополучно закончилось». Под *благополучно закончилось* она имела в виду быструю смерть, без пыток, физических и моральных, без страданий. Нередко я с трудом сдерживал себя, чтобы не вцепиться ей в горло, хотя в глубине души думал о том же. Хотя мы и сидим в одной машине и нас разделяет лишь подлокотник, я чувствую, какая огромная между нами пропасть. Карин боится. Карин сомневается. А я думаю о том, сколько всевозможных недугов способны излечить врачи, физических и душевных. Уверен, что теперь все будет хорошо. Иначе зачем Лене выживать, не будь она способна к жизни? Зачем цепляться за жизнь? Возможно, я слишком наивен, а Карин сгущает краски, а истина лежит где-то посередине, аккуратно на подлокотнике, осязаемая и простая.

– Она сильная, – повторяю я еще раз, и Карин прокашливается.

Лена

Кто-то кричит:

– Нет!

И:

– Господи!

Кто-то поднимает мое окоченевшее тело. Трясет. Тепло, крепкое объятие.

– Лена! Боже мой, Лена!

Я моргаю. Слабо улыбаюсь. Он все-таки вернулся, в последний момент. Дети живы, повисли у него на шее. Он держит меня в объятиях. У него бледное от ужаса лицо. Я протягиваю к нему руку. Ощущаю слезы.

– Я вас так подвел, – говорит он.

Отвечаю:

– Ты спас нас.

– Состояние стабильно.

Ханна

Должно быть, я натворила дел. Понимаю это, потому что сосчитала до 2676, а сестра Рут еще не вернулась. Ведь я только изобразила ей звук, как будто бросили на пол арбуз. *Памм!* Тогда она сказала, что ей нужно срочно разузнать, можно ли нам пойти к маме. А пока ее нет, мне следует дорисовать мою семью. Я подрисовала папе красное пятно на голове и теперь не знаю, чем еще мне заняться.

Я чувствую усталость. Ночь за окном уже понемногу блекнет. Мне не так уж часто приходилось проводить столько времени без сна. Разве только когда Сара еще была с нами и своим ревом не давала нам спать. Человеку необходимо спать, чтобы его тело могло восстановиться. Кладу голову на стол и закрываю глаза. Мама говорит, мы сами можем решить, что увидеть во сне, если только перед тем, как уснуть, сосредоточенно подумать о чем-то определенном. Хочу увидеть что-нибудь особенное. Как мы с мамой наконец-то снова куда-то выбрались, только мы вдвоем, потому что я у нее любимый ребенок.

Итак, я сосредоточенно представляю себе нашу первую вылазку. Поначалу я была немного встревожена, но мама сказала:

– Это чудесное место, Ханна. Тебе там понравится.

И еще она сказала, что никому не следует говорить про нашу поездку.

– Тсс, – прошипела она и приложила палец к губам. – Это будет наш с тобой секрет.

– Но врать нельзя, мама!

– Мы не соврем, Ханна. Просто никому не скажем.

– А как же Йонатан? Он ведь испугается, когда проснется, а дома никого не окажется.

– Не волнуйся. Йонатан еще долго будет спать. А к тому времени как он проснется, мы уже вернемся.

Мы принарядились. Я даже смогла надеть свое любимое платье, белое в цветочек. Потом мы мышиным шагом прокрались за дверь, к машине. Я сидела впереди, рядом с мамой. Дорога, по которой мы ехали, была гладкой, как бумага, и отливала на солнце. Местами воздух дрожал от зноя, словно горели маленькие бесцветные костры. Я прижалась носом к прохладному стеклу. Небо раскинулось над нами синим полотном, и по нему плыли белоснежные облака. Я обвела пальцем по стеклу очертания коровы, а мама смеялась. По радио играла знакомая песня, и мамин смех портил мелодию, а потом она стала подпевать. Мы съехали с шоссе и повернули к поселению. Мама поставила машину в тени раскидистого дерева. Это был клен. Его легко узнать по резным пятиконечным листьям, похожим на большую зеленую ладонь.

В саду устраивался праздник, и мы были приглашены. Мама оказалась права: это было чудесное место. Нас уже ждали, и люди вокруг смеялись, махали нам и восклицали:

– Ну наконец-то приехали!

Мама хотела меня представить, но я просто не могла устоять на месте от возбуждения. Скинула сандалии и побежала босиком по траве, вдохнула аромат гортензий, величиной с капустный кочан, и наконец растянулась на лужайке. Трава пахла как моющее средство у нас дома. Я рвала травинки и маргаритки, а потом посадила себе на руку божью коровку. На траву рядом со мной сел мужчина со светло-голубыми глазами и с проседью в волосах.

– Замечательно, что ты приехала, Ханна, – сказал он.

Я показала ему божью коровку, и он объяснил, что эти насекомые приносят много пользы, потому что поедают клещей и тлю. Я удивилась: это такой-то маленький жучок?

– А еще считается, – сказал мужчина, – что божьи коровки приносят счастье.

Затем нас позвали подкрепиться. В дальней части сада был установлен длинный стол. Я стала обмерять его, поочередно приставляя пятку одной ноги к носочку другой, правую ногу, левую ногу, правую, левую. Стол составлял в длину тридцать шажков. Там были шоколадные печенья и земляничные пирожные, и ванильный пудинг, и соленая соломка, и поджаренные колбаски. Мне так хотелось все попробовать, но мама сказала, что нам нужно возвращаться. Йонатан должен скоро проснуться, ведь снотворное действует не так долго, как нам хотелось бы.

– Можно мне хотя бы взять шоколадного печенья, мама? Маленький кусочек, ну пожалуйста... Я его быстро съем.

Мама покачала головой. Затем достала из сумки батончик, развернула упаковку и протянула мне.

– Избыток сахара плохо сказывается на здоровье, Ханна. Когда приедем домой, прочтем, к каким последствиям для твоего тела приводит излишнее потребление сахара. Давай бери свои сандалии, нам пора ехать.

Не прощаясь с другими гостями, мама поспешила к воротам. Когда я догнала ее уже у машины, то обернулась в последний раз. У садовой ограды стоял мужчина, который столько рассказал про божьих коровок. Он помахал мне, и я быстро вскинула руку, чтобы мама не заметила. Потом мы поехали домой.

– Избыточное употребление сахара и сахаросодержащих продуктов может вызывать следующие симптомы, – зачитала мама из книги, в которой на все есть ответ. Она взяла ее с полки в гостиной, едва мы вернулись домой. – Усталость, апатия, тревожные состояния, проблемы с желудком и кишечником, нервозность, нарушения сна и концентрации, а также порча зубов. Вот видишь, – она захлопнула толстую книгу, очень громко. – Радуйся, что тебе не пришлось есть печенье.

Я кивнула. Мама всегда ко мне внимательна и желает мне только хорошего.

В следующее мгновение в дверях гостиной появился Йонатан. Должно быть, он только проснулся.

– Что это вы там делаете? – спросил он, сонно протирая глаза.

– Ничего, Йонатан, – мама улыбнулась и подмигнула мне.

У нас с мамой есть секрет. И мы с ней всегда были очень близки...

* * *

– Ханна?

Я моргаю.

– Ханна?

Поднимаю голову со стола.

Передо мной стоят два незнакомых человека. Мужчина в сером костюме и высокая женщина с короткой стрижкой. Я вздрагиваю от испуга и сажусь прямо, с ровной спиной, как следует сидеть за приемом пищи. Женщина протягивает мне руку. Я выставляю обе руки и медленно поворачиваю, чтобы она могла взглянуть сначала на мои ногти, а потом на ладони. Я еще не все показала, как вдруг она хватает мою правую руку и трясет. Женщина и мужчина говорят:

– Здравствуй, Ханна.

И сообщают, что сестра Рут пока не придет, потому что ей нужен перерыв.

– Она же провела здесь с тобой столько времени, – улыбается женщина.

Потом она представляется доктором Хамштедт, только она совсем непохожа на доктора. На ней нет халата. Я хочу сообщить ей об этом, потому что она, возможно, просто забыла надеть халат и теперь может нарваться на неприятности. Но я ничего не успеваю сказать, потому что заговаривает мужчина. Он тоже не желает смотреть на мои руки, притом что сам из полиции. Даже показывает мне удостоверение. И смеется, потому что на фотографии выглядит совсем не так, как в действительности.

– Видишь ли, тогда я еще был молодым и красивым.

Должно быть, это шутка, но едва у меня вздрагивают уголки губ, мужчина вновь становится серьезным.

– Ханна, мне необходимо как можно скорее осмотреть ваш дом, – произносит он и садится на стул, на котором прежде сидела сестра Рут.

Затем вытягивает шею, чтобы получше разглядеть мой рисунок, и указывает пальцем на то место, где у папы красное пятно на голове.

– Из того, что мне рассказала сестра Рут, я могу заключить, что этой ночью у вас дома произошло нечто скверное. И вы с мамой, вероятно, так испугались, что убежали, и это привело к несчастному случаю, в котором она пострадала.

Теперь он берет мой первый рисунок, где я нарисовала папу с мамой в лесу, и показывает на платок у папы в руке.

– Тебе нечего бояться, Ханна. Скажи мне, где ваша хижина, и я обо всем позабочусь. И с тобой не случится больше ничего плохого, обещаю.

– Послушай комиссара Гизнера, Ханна. Ты можешь доверять ему, – говорит женщина.

– Где ваша хижина, Ханна? Можешь описать дорогу туда? – спрашивает полицейский.

И доктор Хамштедт добавляет следом:

– Не бойся, здесь ты в безопасности.

Эти люди вовсе не кажутся мне такими уж злыми. В особенности полицейский оказался куда приятнее, чем я предполагала. И все-таки у меня нет желания говорить с ними. Я хочу, чтобы вернулась сестра Рут. Или хотя бы поспать. Кажется, они меня понимают, потому что оставляют в покое, едва я снова кладу голову на стол и закрываю глаза. Хочется снова подумывать о чем-то приятном, но не выходит. Я напряженно прислушиваюсь, жду, когда эти люди наконец-то встанут и выйдут за дверь. А они все сидят. Я досчитала до 148, и вот слышу, как стулья шаркают ножками по полу, а еще через мгновение – тихо притворяется дверь.

Маттиас

Мы сворачиваем на парковку перед больницей. Время – почти четыре.

Карин хватает меня за руку. Ладонь у нее мокрая и холодная. Она что-то говорит, но я ничего слышу, только кровь стучит в ушах. Мы не бежим, не штурмуем двери, ступаем осторожно и боязливо. Все происходит как в автоматическом режиме. Потянуть на себя дверь. Пройти несколько шагов через вестибюль. К стойке регистрации, где сидит женщина. Я двигаюсь, хочу сказать, что мы родители Лены Бек, доставленной к ним этой ночью. Нам нужно в отделение экстренной хирургии. Не знаю, как звучит мой голос, и произношу ли я фразы в том виде, какими составил их у себя в голове. Женщина за стойкой тоже шевелит губами, берется за телефонную трубку. Карин берет меня за руку и оттаскивает в сторону. Смотрит на меня. У нее бледное лицо, глаза мелко подрагивают. Я вижу, как она нервно переступает с ноги на ногу, и беру ее за плечи. Хочу сказать, чтобы она успокоилась, и, по всей видимости, так и говорю, потому что Карин кивает.

Приходит врач или санитар, я не знаю точно. Во всяком случае, на нем белый халат. С ним мужчина в сером костюме. Звучат какие-то имена, мнежимают руку. Мы следуем за ними к лифту, едем то ли вверх, то ли вниз. Время как будто стало вязким. Лифт замирает, кто-то из провожатых касается моего плеча. Вероятно, это значит, что нам пора выходить. Карин снова вцепилась в мою руку, крепко сжимает ее. Наша процессия доходит до середины коридора и останавливается. Карин резко выпускает мою руку. Только потому, что я отвлекаюсь на это, мое внимание переключается на происходящее.

Врач произносит:

– Будет лучше, если войдет кто-то один. Состояние стабильно, но она все еще без сознания. Желательно, чтобы она приходила в себя без внешних раздражителей. Кроме того, нельзя исключать состояние шока.

– Иными словами, мне нельзя с ней говорить, – заключаю я с глуповатым видом.

Человек в сером костюме, комиссар полиции, говорит:

– Сейчас нам прежде всего нужна ваша помощь, чтобы безошибочно ее опознать. Все прочее можно обсудить позже.

– Я войду. – Я говорю это, обращаясь к Карин.

Она кивает. Именно так мы решили, еще много лет назад. Я возьму на себя обязанность опознать мертвое тело нашей дочери, укрытое тонким полотном, лежащее на столе. Я должен был взять ее руку и в последний раз поцеловать холодный лоб. Сказать, что мы ее любим.

Только теперь мы не в отделении судмедэкспертизы, а в больнице, и наша дочь жива. Врач берет меня под руку и ведет к следующей двери, отделяющей коридор от обособленной зоны. За моей спиной Карин спрашивает комиссара, что будет дальше. Я не слышу его ответ – врач прикрывает за мной дверь. Внезапно я робею, задумываюсь, как выглядит наша дочь, после всех полученных увечий. В то время она училась на четвертом семестре педагогического факультета. Юная девушка, которая едва расправила крылья. Теперь ей тридцать семь лет,

взрослая женщина. И если б в ту ночь ее не вырвали из жизни, возможно, она была бы замужем, имела бы собственных детей...

– Пожалуйста, не пугайтесь, – говорит врач, когда мы подходим к ее палате. Он уже держится за дверную ручку, но медлит. – У нее повреждено лицо, главным образом порезы. Но выглядит хуже, чем оно есть на самом деле.

Я издаю невнятный звук, на большее не хватает воздуха. Грудная клетка скована. Врач поворачивает ручку. Дверь приоткрывается.

Закрываю глаза; меня захлестывают воспоминания. Ленхен ⁷, маленький сверток в руках Карин. Рост пятьдесят сантиметров, вес 3430 граммов. Крошечная ладошка обхватывает мой большой палец. Я произношу:

– Добро пожаловать в мир, мой ангел. Папа всегда будет рядом.

Ленхен в свой первый учебный день, с прорехой в зубах и громадным кульком сладостей в руках. Ленхен, как она требует, чтобы с этих пор ее называли Леной, поскольку все прочее звучит по-ребячески. Лена, как она перекрасила светлые волосы в черный и, подтянув колени, сидит на диване в гостиной и дырявит булавкой свои джинсы. Лена, снова со светлыми волосами, моя гордость, неотразимая в своем выпускном платье, с превосходным аттестатом и великими планами на будущее. Лена, которая стала студенткой, и Лена, которую я видел в последний раз перед самым ее исчезновением. Как она сбегает по ступеням, оборачивается и весело машет мне. *Чао, папка! Увидимся! И спасибо еще раз!*

Вхожу в палату.

Кровать стоит посередине. Я слышу, как пищат приборы. У нее закрыты глаза. Да, лицо повреждено, испещрено порезами в виде крошечных треугольников. Левая половина посинела и распухла. Губы разбиты. Над бровью, по всей видимости, наложены швы. Но, несмотря ни на что, маленький шрам справа на лбу хорошо различим. И все же...

Достаточно взглянуть лишь раз. Но увиденное должно отложиться в сознании, требует времени, оседает тяжелым грузом. А после я зажимаю рот ладонью и, пятясь, отхожу от кровати.

– Это не Лена, – хриплю я сквозь ладонь. – Это не моя дочь.

Врач придерживает меня за локоть, не дает упасть. Или хочет вывести из палаты. А может, и то и другое.

– Это не она, – повторяю я.

– Сожалею, – говорит врач.

Сожалею, словно этим все сказано.

Ханна

Если б я могла выбирать, то сейчас оказалась бы лучше на море. Вместе с мамой – только мы вдвоем, ведь я у нее любимый ребенок – в самом прекрасном месте. Вообще-то я заслужила еще одну вылазку на море, потому что прошлая совсем не удалась. В путешествия нужно отправляться в хорошем настроении. Я старалась запомнить каждую волну, бросалась в них со всем упоением, будто уже догадывалась, что это, возможно, последняя наша поездка. Мама переменялась. Она лежала на песке и смотрела в небо. Это все из-за папы, думала я. Каждый раз, когда он отлучался, мама опасалась, что он может не вернуться. Хоть она этого и не говорила, но я все замечала. В такие дни мама бывала нервной и рассеянной, пересчитывала батончики и постоянно спрашивала меня, в порядке ли рециркулятор. У меня тонкий слух, самый чуткий из всех нас.

⁷ Уменьшительно-ласкательная форма имени Лена.

Мне хотелось приободрить ее, поэтому я влезла обратно на берег. Оглянувшись посмотреть еще раз на волны, на тот случай, если нам придется тут же уехать – из-за Йонатана, потому что снотворное действует не так долго, как нам того хотелось бы. Солнце играло бликами на воде, как будто все вокруг обсыпали бриллиантами. Море сливалось с небом, все было синим, и только синим, сверху донизу. *Запомни, Ханна, и никогда не забывай эту прекрасную, бесконечную синеву.* Я закрыла глаза и вдохнула соленый воздух, который обволакивал мои легкие. *Не забывай, Ханна, только не забывай.* Море, *la mer*, покрывает почти три четверти земной поверхности. Морская флора производит около семидесяти процентов кислорода, содержащегося в атмосфере. Когда я удостоверилась, что запомнила все как следует, то подошла по горячему песку к маме.

– Мама?

Она ничего не сказала. Тогда я встряхнула волосами над ее лицом, как мокрая собака. Мне хотелось, чтобы она вскочила и погналась за мной по пляжу. Как раньше. Но в тот день мама лежала совершенно неподвижно и смотрела в небо, словно ее и не было вовсе.

– Ты ведь тоже хотела на море, – проворчала я и уселась на песок рядом с ней.

– Ах, Ханна, – сказала мама и легла боком, так чтобы смотреть меня. – Это я во всем виновата.

– О чем ты говоришь, мама?

– Это из-за меня вам так тяжело.

Так она говорила про синяк под глазом.

– Просто дурацкая оплошность, – сказала я. – Ничего страшного.

– Ты очень умная, Ханна. И становишься старше. Когда-нибудь ты поймешь. – Она взяла меня за руку и крепко сжала. – Если кто-нибудь спросит тебя обо мне, ты должна сказать правду, слышишь?

– Ты же знаешь, я не вру. Папа всегда говорит, что врать...

– Знаю, – перебила она меня.

Вообще-то перебивать никого нельзя, это невежливо. Мама засмеялась.

– Ах, забудь, что я тебе наговорила, Ханна. Наверняка это просто гормоны.

Гормоны – это биохимические вещества, которые запускают определенные биологические процессы. Вот, например, тогда мама всплакнула и при этом издавала тонкие прерывистые звуки. Я никогда не слышала, чтобы она плакала в голос, хотя и тогда звуки были очень тихие. У меня чуткий слух.

Мама потянула меня за руку, так чтобы я села прямо, и обняла меня.

– Я люблю тебя, Ханна.

– И всегда будешь любить?

– Всегда-всегда...

* * *

Я слышу, как открывается дверь, и поднимаю голову. На этот раз входит сестра Рут. Наконец-то.

– Ну, Ханна? Как твои дела? – спрашивает она с дурацкой улыбкой.

Она постоянно так улыбается, когда немного стыдится. Очевидно, потому что оставила меня одну и подослала ко мне двух незнакомых людей.

– Я рада, что вы вернулись, – говорю я.

– Да, я тоже. – Сестра Рут снова улыбается.

Я обхожу стол, хотя не спрашивала разрешения встать, и прижимаюсь к ней. Сестра Рут гладит меня по голове. При этом ее ладонь то и дело ложится мне на ухо, и я слышу море. Море, *la mer*, самое прекрасное место на свете.

– У меня для тебя хорошие новости, – сообщает сестра Рут сквозь шелест волн. – Мы можем провести твою маму, если хочешь. Она еще не пришла в себя, но наконец-то врачи управились.

Я киваю, уткнувшись в ее мягкий живот. Мне хочется к маме, но вместе с тем хочется, чтобы сестра Рут постояла со мной еще немного.

– Слышишь? – спрашивает сестра Рут.

Только теперь я отнимаю голову. Она имеет в виду шум, необычный стрекот. Звучит где-то в отдалении, но слышно отчетливо. Сестра Рут показывает в окно. В серой ночи мигают белый и красный огоньки. Белый-красный-белый-красный. Миг-миг-миг-миг.

– Что это?

– Вертолет. Полиция облетает местность, где твоя мама попала под машину. – Сестра Рут опускается на корточки передо мной и обхватывает мое лицо теплыми ладонями. – Они разыщут хижину, Ханна. И вызволят твоего брата.

Теперь она улыбается по-настоящему. Мне не приходит в голову ничего другого, и я тоже улыбаюсь.

– Ну так что? Сходим провести твою маму?

Я киваю. Сестра Рут берет меня за руку, и мы покидаем комнату отдыха.

Маттиас

Сочувствие. Слова утешения. Еще четырнадцать лет назад я понял, как мало все это значит, и произносится-то только из вежливости. Карин еще старается кивать сквозь слезы, в то время как комиссар расточает пустые фразы.

– Мне искренне жаль, фрау Бек...

Герд между тем присоединился к нашей скорбной группе. Мы стоим полукругом в коридоре. Я смотрю на рубашку Герда под вытертой кожаной курткой; пуговицы застегнуты неправильно, видимо, перепутаны в спешке.

– Поэтому я и хотел ехать без вас, – решает он подать голос.

Я проглатываю гневные слова.

– Теперь ваше разочарование, конечно, куда сильнее.

Снова сдерживаюсь.

– И кто же эта женщина? – спрашивает Карин, всхлипывая.

Когда я вышел вместе с врачом обратно в коридор, ей достаточно было взглянуть на меня, чтобы все стало понятно. «Это не она?» – спросила Карин. Я попытался качнуть головой, но даже это мне не удалось.

– Фрау Бек, – произносит коллега Герда. – Мы начали расследование. Надеюсь, вы понимаете, что мы не можем предоставить вам такие сведения.

– Потому что теперь это не наше дело, Карин, – перевожу я. – Это не наша дочь, поэтому им нельзя нам говорить.

– Коллега Гизнер хочет сказать... – вмешивается Герд. Он старается говорить спокойно, но его тон вызывает у меня совершенно противоположную реакцию.

– Ты поднимаешь нас посреди ночи и говоришь, что наша дочь нашлась! – цежу я сквозь зубы.

– Я сказал, что есть сходство и что мы должны во всем убедиться, – шипит в ответ Герд. Его коллега отходит на пару шагов. Должно быть, ему неловко наблюдать за нами.

– Я сразу предупредил, что нет полной уверенности в том, что это действительно Лена... – Герд потирает лоб и вздыхает, после чего обращается к Карин: – Послушай, мне очень жаль. Не следовало подавать вам ложные надежды. Это было непрофессионально. Ты знаешь, это затрагивает меня лично...

– Ты за четырнадцать лет не проявил профессионализма, – вспыхиваю я, но меня игнорируют.

– Как нам теперь быть? – всхлипывает Карин.

Герд снова вздыхает.

– Нужно просто...

– Нужно просто подождать еще четырнадцать лет, – резко перебиваю я его. Мне надоело выслушивать пустые фразы из вежливости, дурацкие слова ободрения. – Мы ее больше не увидим.

Я чувствую, как злость распаляет мне лицо, щеки горят, словно в лихорадке.

– Маттиас... – Карин берет меня за руку, но я больше не желаю сдерживаться. Герд должен осознать, что он натворил.

– У нас нет больше дочери, вот что нужно сказать! Она мертва! Скорее всего, мертва уже четырнадцать лет! Вот только профессионалу Брюлингу не под силу разыскать хотя бы ее тело, чтобы мы могли должным образом похоронить ее!

– Маттиас...

Ногти Карин впиваются мне в кожу сквозь рукав куртки. Лицо бледнеет, глаза широко раскрыты и неподвижны.

– Там, – шепчет она.

Я не понимаю.

– Вон она.

Поворачиваю голову. У меня перехватывает дыхание, сердце замирает.

– Это... Лена...

Карин права: это она. Шагает к нам, держась за руку медсестры. Наша дочь, наша Лена, моя Ленхен.

Лена

Я смутно припоминаю визг тормозов, как оборвался мой собственный крик, потом удар. Помню, как удивилась, что совсем не чувствую боли – по крайней мере, в первые мгновения. Конечно, боль не заставила себя ждать. Захлестнула меня волной, так что я потеряла сознание. Не знаю, сколько прошло времени. Десять минут? Час? Но потом я резко пришла в себя. Словно сидела в кромешной тьме, и кто-то внезапно включил свет. Разум был совершенно чист.

Я сразу поняла, что попала под машину. И теперь лежала в карете «Скорой помощи». Слышала сигнал, транслирующий во внешний мир мой пульс. Слышала сирену. Знала, что мы едем очень быстро, чувствовала все неровности дороги и как машина кренится на поворотах. Ощущала собственное тело, и не передать словами, сколь болезненным было это ощущение. И все же я попыталась шевельнуться, чтобы проверить чувствительность в конечностях. Если я что-то чувствую – пусть даже и боль, – значит, еще есть возможность восстановить их. Так я рассуждала. Напряглась и смогла пошевелить носками, согнуть пальцы. Хороший знак. Только голова оставалась неподвижной, шея была вытянута и зафиксирована. Мне наложили шину, и я не могла видеть, что происходит рядом со мной. Не посмотреть ни вправо, ни влево, только неподвижно вверх, на пожелтевший потолок салона «Скорой». Прямо надо мной была наклеена полоска серебристого скотча, вероятно, прикрывающего порез или небольшую дыру. Или угнетающее пятно крови, которое никак не удавалось оттереть. Я чувствовала давление в области груди и коленей, но это, скорее всего, были просто ремни. Чтобы не слететь с носилок во время поездки и получить при этом новые увечья. Это казалось мне чем-то абсурдным.

– Кажется, приходит в себя, – произнес мужской голос.

В следующий миг в моем ограниченном поле зрения появился санитар и посветил фонариком мне в глаза. Мне велели следить за пучком света. И я пыталась, но перед глазами все расплывалось в яркое неоднородное пятно. Боль растекалась, искала выхода.

Санитар отложил лампу и сказал:

– Не волнуйтесь. Мы доставим вас в больницу.

Я почувствовала, как его палец, обтянутый латексом, смахнул слезу с моей щеки. Писк, транслирующий мой пульс, участился, стал неравномерным.

– Без паники. – Санитар старался сохранять профессиональную дистанцию. Сказал, что сожалеет.

Ремни стали вдруг слишком тесными. Я стала вырываться.

– Успокойтесь, всё в порядке, слышите? Вас сбила машина, но мы уже подъезжаем к больнице. Вы справитесь.

Санитар удерживал меня за ноги. Я хотела закричать, но продолжала просто извиваться под ремнями.

– Вколю вам успокоительное.

Сигнал от моего сердца зазвучал ровнее и реже. Мне показалось тогда, что приборы обманывают.

– Вы можете назвать свое имя? – спросил санитар. – Вы помните свое имя?

У меня задрожали веки.

– Видимо, не добьемся. – Его голос как будто доносился откуда-то издалека. – Похоже, у нее шок.

– Лена, – прозвучал второй голос.

Голос, который не мог прозвучать в реальности. Голос, порожденный успокоительным и шоком.

– Ее имя Лена, – снова прозвучал голос, словно в доказательство своего существования.

Я попыталась повернуть голову, но голова была надежно зафиксирована. Лицом к пожелтевшему потолку. И эта голова налилась усталостью. У меня закрылись веки. «Ханна», – всплыла из тумана последняя мысль. Это ее голос я услышала. Ханна была со мной, в машине «Скорой помощи»...

* * *

Сдерживаю хрип. Им не следует знать, что я очнулась. Прошло какое-то время, я это понимаю. Недостающий фрагмент между той последней мыслью в машине «Скорой помощи» и настоящим. Я в больнице, лежу в кровати. Голова совершенно легкая, вероятно, под завязку накачанная медикаментами. Правую руку тянет с внутренней стороны локтя. Мне поставили капельницу. Я чувствую запах антисептика и слышу знакомый писк кардиографа. Вокруг меня звучат голоса, суетятся люди.

– Вы меня слышите? Можете подать знак, шевельнуть пальцем?

Я не реагирую. Концентрируюсь на своем дыхании. Как упрямый ребенок, лежу с закрытыми глазами. Не мигаю, даже когда твой рехнувшийся отец встает у кровати и окончательно теряет голову.

– Это не она! Это не моя дочь!

Когда они выходят за дверь, полагаю, врачу приходится поддерживать его.

Я же просто лежу, как мертвая туша. Как лежала ночами, пока твой муж забирался на меня. Глаза крепко зажмурены. Я знаю, что разразится настоящий ад, как только я открою их. Мне страшно, Лена. Ужасно страшно.

Маттиас

Взгляд Карин, ее бледное лицо и неподвижные, широко раскрытые глаза.

Лена шагает к нам по коридору, держась за руку медсестры.

Наше дитя, наша маленькая Лена, моя Ленхен в возрасте, быть может, шести или семи лет. Слишком маленькая за громадным кульком сладостей, выдает мой помутненный разум. И снова образы из прошлого накладываются на реальность. Белокурые локоны, острый подбородок, глаза, боже правый, эти глаза...

Я ищу опоры и хватаюсь за руку Герда.

– Лена...

– Господи... – слышу я голос Карин, и одновременно Герд отдергивает руку.

Я невольно перевожу взгляд и вижу, как он подхватывает Карин, у которой подкосились ноги.

– Что... – вырывается у Герда, но затем он тоже поворачивает голову и глядит на девочку. – Это... немыслимо.

К нам подсказывает и его коллега Гизнер, который до сих пор держался в стороне.

– Лена! – зовет Карин.

Медсестра, что держит Ленхен за руку, резко останавливается. Та робко заходит ей за спину. Кажется, мы напугали ее своей реакцией.

– Тсс! Тихо! Не шумите вы! – шепчу я, но Карин уже не в себе.

– Что это значит? – Она хватается ртом воздух и заходится в пронзительном, истощном крике: – Лена!

Медсестра пятится по коридору и увлекает за собой девочку.

– Нет, нет, нет! Постойте!

Я реву и бросаюсь за ними, но в следующий миг рывком подаюсь назад. Меня хватают чьи-то руки.

– Лена! – я слышу собственный хриплый голос.

Потом Гизнер валит меня на пол, как взбешенное животное. Пока я извиваюсь в жалкой попытке подняться, Ленхен уводит. В коридоре только мы. И тишина.

– Следуйте за мной, герр Бек, – произносит через мгновение Гизнер и помогает мне подняться.

* * *

В сопровождении санитаров нас отводят в ближайшую из свободных палат. Герд подводит Карин к кровати, и та послушно оседает. Будь у человека рубильник на спине, так бы все и выглядело. Санитар спрашивает, не позвать ли врача, чтобы дал ей какого-нибудь успокоительного.

– Нет, спасибо, – отвечаю я, не особо вникая в ее состояние. – Всё в порядке.

Когда санитар оставляет нас, Гизнер просит объяснений.

– Лена, – произносим мы с Карин одновременно.

– Та девочка в коридоре выглядит в точности как наша дочь, – объясняю я. – В детстве, – добавляю поспешно, сознавая, каким бредом это может показаться.

Родители в состоянии шока бросаются на чужого ребенка. Должно быть, такое впечатление мы производим на Гизнера. Только ребенок не может быть чужим, если выглядит как точная копия нашей дочери. Ведь не может?

– Так и есть. – Герд неожиданно приходит мне на помощь. – Прямо клон.

Гизнер переводит на него недоверчивый взгляд.

– Я – друг семьи, знаю Лену с самого рождения.

«Друг семьи, ага», – проговариваю я про себя, но сдерживаюсь. Наши с Гердом отношения не играют роли, когда речь идет о Лене. Нет, о девочке.

– Подождите. – Спohватившись, я лезу в карман и достаю бумажник.

В кармашке под прозрачным пластиком – фотография, краски уже немного выцвели. На снимке – моя Ленхен с громадным кулком сладостей. Она улыбается мне всякий раз, стоит только открыть бумажник. Я вынимаю карточку и протягиваю Гизнеру.

– Вот, взгляните сами.

Комиссар берет фотографию и внимательно изучает.

– Хм, – протягивает он, и так несколько раз: – Хм...

– Кто эта девочка? – спрашивает Карин надтреснутым голосом.

Гизнер отрывается от фотографии.

– По ее же словам, она дочь потерпевшей.

Я мотаю головой.

– Но это невозможно. Эта женщина, – я неопределенным жестом указываю в сторону двери, – не может быть Леной.

– Маттиас, ты уверен? – спрашивает Карин. – Столько лет прошло, может, ты просто не узнал ее... Ты видел шрам? – и лихорадочно тычет себя пальцем по лбу, над правой бровью. – Может, мне самой посмотреть на нее?

– Да, у нее есть шрам. Но это не Лена. Я знаю, как выглядит моя дочь. – Я поневоле повышаю голос. – Прости, дорогая. Это и в самом деле не она.

– И все-таки, может, я взгляну? Для полной уверенности.

– Это не она, Карин!

– Давайте все успокоимся, – вмешивается Герд. – Карин, ты никуда не пойдешь. Я сам посмотрю. Я узнаю Лену.

– Выходит, по-вашему, я собственную дочь не могу узнать? – Это не укладывается у меня это в голове.

– Конечно, ты ее узнал бы, – успокаивает меня Герд. – Но здесь явно что-то не сходится. Мы должны выяснить, кто эта женщина и почему девочка, которая так похожа на Лену, считает себя ее дочерью.

– Хм, – снова протягивает Гизнер и возвращает мне фотографию. – А у вас есть ДНК-профиль Лены Бек?

Герд усердно кивает, как прилежный ученик.

– Составили еще тогда; взяли пробу с зубной щетки.

– Что ж, – говорит Гизнер, обращаясь уже к нам с Карин. – Это значит, что нам остается лишь взять пробу у девочки. Это не займет много времени, достаточно простого анализа слюны. Затем составим ДНК-профиль и наконец сравним оба профиля на соответствие. Сможем, по крайней мере, выяснить, состоит ли девочка в родстве с вашей дочерью. При этом остается неясным, какое отношение имеет к девочке потерпевшая...

– Допросим девочку, – предлагает Герд.

Подобную решимость в последний раз я наблюдал за ним четырнадцать лет назад. «Мы найдем твою дочь, Маттиас, – сказал он тогда, закинув ноги на стол, с сигаретой в зубах; вылитый коп из дешевого американского фильма. – И пусть это будет последним, что я сделаю в своей жизни, но я верну нашу Лену домой».

Гизнер вздыхает.

– Я уже разговаривал с девочкой, причем в присутствии психолога. Похвастаться нечем.

– Вы с ней говорили? – переспрашиваю я сиплым голосом. – Что значит «похвастаться нечем»?

– Наш специалист, доктор Хамштедт, еще не может поставить точный диагноз. Пока у нас есть лишь разрозненные сведения, но, я надеюсь, в ближайшее время мы узнаем больше. Когда найдем хижину, о которой говорит Ханна. Я запросил вертолет, чтобы облетели местность, и направил людей в район аварии.

– Ханна... – повторяю я самому себе.

Значит, ее зовут Ханна. Я ищу взгляда Карин, но она смотрит мимо меня, на Гизнера.

– Что еще за хижина? – спрашивает она. – Лена там, в этой хижине?

Гизнер прокашливается.

– Комиссар Брюлинг прав: вам нужно прийти в себя, успокоиться.

Он дает знак Герду. Тот кивает.

Когда мы остаемся вдвоем, Карин вздыхает:

– Какого черта здесь происходит?

Лена

Подумываю о том, чтобы сбежать, но вот как это проверить? Ведь я по-прежнему не могу толком двигаться. И приборы наверняка подадут сигнал, если сорвать датчики. Кроме того, в палату то и дело кто-нибудь входит. Такое впечатление, будто они пытаются разбудить меня своей беготней. Поначалу это лишь медперсонал. Забегают, чтобы сменить пакет на капельнице или сверить показания кардиографа. Я просто закрываю глаза и глубоко дышу.

Но потом появляются двое полицейских и решают расположиться у моей кровати. Один, как я поняла из произносимых шепотом фраз, прибыл напрямик из Мюнхена, второй представляет ведомство округа Кам. То и дело звучит слово «девочка».

Ханна... Значит, я не бредила; она была там, ехала вместе со мной в машине «Скорой помощи». В больницу. Ханна здесь.

Я улавливаю слова «похищение» и «хижина». Кардиограф, к которому я подключена, транслирует мое возбуждение чередой сигналов. Кто-то из полицейских – наверное, Кам – жмет кнопку вызова у изголовья кровати. Я слышу, как оба переминаются с ноги на ногу – очевидно, в ожидании кого-то из персонала.

Входит санитар. Проверяет зажим на моем среднем пальце, после чего прикладывает холодный стетоскоп к моей груди.

– Всё в порядке, – сообщает он Каму и Мюнхену. – Должно быть, плохой сон, только и всего.

Кто-то из полицейских ворчит в ответ что-то неразборчивое.

Я слышу, как за санитаром закрывается дверь. Затем к моей кровати с шумом пододвигается стул, и еще через секунду – второй. Похоже, они намерены сидеть здесь, пока я не приду в себя, чтобы задать мне свои вопросы.

Бывало, я раздумывала над этим по ночам, пока он спал, прильнув ко мне своим липким телом, и дышал в шею. Что я расскажу, если когда-нибудь выберусь из этой дыры?

И тогда я все рассортировала. Какие-то подробности сразу попали в список неразглашаемых, не поддающихся описанию мерзостей, которые превращали бы его в монстра, а меня, что еще хуже, – в его жертву. Я не желаю провести остаток жизни в роли женщины из хижины. Решила, что буду сильной, расскажу лишь самое необходимое, с прямой спиной и чистым взором. Отсчитываю три вдоха и выдоха, даю себе еще одну небольшую отсрочку, после чего открываю глаза. Пора, Лена.

Один из полицейских, тот, что в сером костюме, мгновенно возникает в поле зрения. Второй также вскакивает со стула, и вот уже оба нависли надо мной; вопросы так и читаются на их лицах. Кардиограф сходит с ума.

– Здравствуйте, – говорит тот, что в костюме. – Прошу вас, не волнуйтесь, все хорошо. Мое имя Франк Гизнер, полиция Кама, а это мой коллега из Мюнхена, Герд Брюлинг. Вы же меня понимаете? Мы из полиции.

Я пытаюсь кивнуть, но не выходит.

– Вы хорошо меня слышите?

– Лучше бы вызвать еще раз санитара, – говорит Мюнхен и указывает на кнопку. Кам следует его совету.

– Вы попали под машину, и вас доставили в больницу. Вы можете назвать свое имя?

Вращаю глазами и издаю стон боли.

– Послушайте, нам известно о хижине. И мы уже разыскиваем ее. Здесь вам ничто не угрожает, вы в безопасности.

Открывается дверь, входит санитар. Кам и Мюнхен синхронно отступают от кровати.

– Она пришла в себя, – сообщает Мюнхен санитару.

Тот проверяет мой пульс и говорит:

– Пришлю доктора Швиндта, чтобы вколол ей что-нибудь. Но придется подождать. Как раз конец смены, так что там пока неразбериха.

Я раскрываю рот, чтобы возразить, но из груди вырывается лишь странный шум, что-то среднее между хрипом и истерическим хихиканьем. К тому моменту как приступ проходит, санитар уже нет. Главное – ясно мыслить; вот и все, о чем я могу думать.

– Вы нашли его? – удастся выдавить мне.

Кам неопределенно кивает в сторону, в то время как Мюнхен пристально разглядывает шрам у меня на лбу.

– Как я уже сказал, мы разыскиваем хижину. Но вам не о чем беспокоиться. Здесь вы в безопасности. Вы назовете свое имя?

Я убеждаю себя, что его просьба вполне логична и однозначна. Что в этом нет ничего плохого и мне ничто не угрожает, даже наоборот. Если в полиции узнают мое имя, они смогут оповестить родственников. Сообщить моей матери, что я еще жива, и она может забрать меня отсюда. Поскорее забрать меня отсюда. И я уже готова ответить, набрала в грудь воздуха и раскрыла рот. И снова издаю лишь истерический хрип. Я придушила собственную личность и посмеиваюсь над собой.

Проходит время, полицейские терпеливо ждут. На их лицах наряду с нерешительностью проступает новое выражение. Сочувствие. Для них я уже стала ею – несчастной женщиной из хижины. Когда это доходит до меня, смех иссякает. Не обрывается тотчас – скорее, отрывисто захлебывается. Пару мгновений я еще хриплю, как глохнущий мотор. И наконец-то затихаю. Нужно дать ответ.

– Лена. Мое имя Лена.

Ханна

Я узнала его с первого взгляда. Мы виделись тогда, на празднике в саду, в нашу с мамой первую вылазку. Это он рассказывал мне про божьих коровок, что они приносят счастье. Сразу вспомнила его серые волосы, и его светло-голубые глаза, того же цвета, как одно из маминых платьев. Только на платье есть еще белые полоски. Но потом вдруг засомневалась, потому как люди, с которыми он стоял в коридоре, так громко переговаривались, что напугали сестру Рут. И она увела меня обратно в комнату отдыха. При этом мы так быстро шагали, что мне пришлось загнуть носки кверху, чтобы не слетели розовые шлепанцы.

Вообще-то сестра Рут обещала, что мы пойдем к маме, но теперь она прикрывает за собой дверь и говорит:

– Похоже, нам придется еще немного подождать, Ханна.

Я смотрю на пол и нахожу нитку. Фиолетового цвета; наверное, с кофты сестры Рут. Она до сих пор на мне.

– Не расстраивайся, – говорит сестра Рут и приподнимает мне подбородок. – Позже мы обязательно к ней сходим, обещаю. Но перед этим я хочу выяснить, что там у них стряслось. – Она опускает руку и ведет меня обратно к нашему столу. – У них, видно, с головой что-то не в порядке.

Кажется, она разговаривает не со мной, потому что невнятно бормочет и даже не смотрит на меня. В разговоре всегда нужно смотреть на собеседника.

– Поднимают такой шум и пугают окружающих... Как будто тебе сегодня мало досталось! Ну что это за люди такие? – Она несколько раз качает головой. – Ну, садись, Ханна. Сделаю тебе еще чаю, а потом пойду выяснить, что за спектакль они там устроили.

Киваю и сажусь за стол, а сестра Рут отходит к кухонному уголку. Слышу, как она открывает кран у меня за спиной, а затем гремит чайником.

– Кажется, я знаю, – произношу я.

– М-м-м? – Сестра Рут не слышит меня, потому что течет вода.

– Кажется, я знаю! – кричу я, но она уже перекрыла воду.

– О чем ты, Ханна?

Клик, закрывается крышка чайника, и *щелк*, включается кнопка на нем.

– Знаю, что это за люди, – говорю я.

У меня за спиной все замирает. Похоже, сестра Рут снова ничего не понимает.

– Я думаю, этот человек, который так кричал, – мой дедушка.

– Твой...

– Дедушка, отец кого-то из родителей, а в просторечии просто пожилой человек, точка.

Поворачиваюсь к сестре Рут, чтобы по ее лицу определить, все ли ей понятно. Конечно, ей ничего не понятно, и она снова таращится на меня. Я вздыхаю.

– Они же кричали *Лена*, – объясняю я бедной, глупенькой сестре Рут. – Так зовут мою маму, помните? А кроме того, я его узнала.

Я не жду, что сестра Рут попытается подумать самостоятельно, а сразу рассказываю про нашу с мамой первую вылазку. Как мы ехали по гладкой дороге, в сад, где лужайка пахла как наше моющее средство, и цвели гортензии размером с кочан капусты. На праздник, где угощали одной лишь нездоровой едой. И о моем дедушке, как он сидел со мной на траве и рассказывал про божьих коровок.

– Божьи коровки приносят много пользы, потому что поедают клещей и тлю, – повторила я его слова. – А еще считается, что они приносят счастье.

Сестра Рут между тем возвращается за наш стол. Мышиным шагом подкравшись от кухонного уголка, плюхается на стул. Вода в чайнике давно закипела и, конечно же, остынет, а чая мне так и не нальют.

– Так ты и в самом деле уже видела его? – первое, что спрашивает сестра Рут, когда я замолкаю.

Киваю.

– Мы с мамой часто совершали такие вылазки. На море и в Париж. Эйфелева башня была построена к столетней годовщине Французской революции и имеет триста двадцать четыре метра в высоту. – Я наклоняюсь через стол и добавляю шепотом: – Только об этом никому нельзя говорить.

– Не понимаю... – Сестра Рут снова лепечет.

– Ну, что мы совершали такие вылазки. Это секрет. Иначе нам достанется, мне и маме.

– От папы?

– Да. – Я снова киваю. – Мама ведь такая неумеха. Не может даже печку сама растопить. Папа сказал бы, что ей слишком опасно водить машину, тем более со мной, и так далеко. Да и Йонатан тоже наверняка рассердился бы.

Вообще-то я не хотела больше думать о Йонатане, потому что мне его так жалко из-за всей этой возни с ковром... Чтобы отвлечься, разглаживаю платье у себя на коленях. У этого платья карманы с обеих сторон. На правом кармане снизу разошелся шов, поэтому класть что-то можно только в левый.

– Почему твой брат рассердился бы? Вы не брали его в свои поездки?

– Ему все равно не понравилось бы.

Сестра Рут склоняет голову набок.

Поначалу я не хочу говорить, потому что мне немного стыдно. Но потом задумываюсь: ведь я не виновата, что мама любит меня больше и предпочитает брать в поездки одну.

– Дело не в этом... он бы рассердился, если б узнал, что мы давали ему снотворное, – объясняю я, но не смотрю при этом на сестру Рут и продолжаю разглядывать свое платье.

Мама непременно должна зашить правый карман, когда мы вернемся домой.

Лена

Это произошло в мае, в четверг. В этот день я исчезла из этого мира. Алиса провалилась в кроличью нору, полетела вниз головой и ударилась о землю. Подозреваю, что он вколол мне анестетик, прежде чем уволок в хижину. Первое, что я помню, – это запах мочи, пота и затхлого воздуха. Потом, словно откуда-то издалека, – лязг, как будто ключ проворачивается в замке, и щелчок выключателя. Я шевельнулась, только когда он несколько раз ткнул меня ботинком.

– Как ты, Лена? – спросил стоящий надо мной человек и улыбнулся.

Взгляд метнулся по комнате, от стеллажа, занимающего почти всю стену с противоположной стороны, по консервным банкам из стекла, картофельным мешкам, еще каким-то припасам, к чему-то темному – судя по серебристым замкам, моей дорожной сумке; от нескольких канистр и поленницы в углу к лампочке под потолком, а от нее – по собственным ногам к перемотанным упаковочной лентой щиколоткам, по своим запачканным джинсам к пропахшей потом майке и рукам, стянутым в области запястий и прикованным цепочкой из стяжек к сливной трубе раковины. И, наконец, снова к человеку, который все с той же улыбкой терпеливым голосом повторил свой вопрос:

– Как ты, Лена?

Лена. Это не я, меня не так зовут.

Шестеренки в мозгу пришли в движение. Это недоразумение; должно быть, он меня с кем-то спутал. Я заскулила в кляп, как побитая собака. Потом попыталась все объяснить. При этом с такой силой тянула руки, что стяжки врезались в кожу.

Он сочувственно покачал головой, развернулся и пошел к двери. *Клик*, свет погас. Дверь закрылась, лязгнул металл, ключ дважды провернулся в замке.

Я осталась одна, в полной темноте. И принялась кричать и рвать стяжки. И то и другое без толку. Мой крик застревал в кляпе, а стяжки держали крепко. Я была похищена. Прикована к сливной трубе. Ужасающее недоразумение. И в темноте происходящее вселяло еще больше страха. Комната как будто растворялась. Я витала в черном бесформенном пространстве, и мыслям не за что было зацепиться. Я представила лицо этого человека. Его серые глаза, чуть загнутый нос, его улыбку, темные вьющиеся волосы. Я смотрела на него лишь мгновение, и все-таки его образ отпечатался в мозгу. Как и его голос.

Как ты, Лена?

Лена, Лена, Лена... Я знала одну Лену. Практикантка в рекламном агентстве, где я работала. Капризная и дерзкая особа. Богатые родители, очень богатые. Тогда я догадалась. Ему

нужна была *она*! Лена с богатыми родителями. Выкуп, вот в чем дело. Чего же следовало ждать? Что он убьет меня, когда осознает свой просчет? Отпустит? Потребуется выкуп за меня? Я представила, как мой отец складывает пачки денег в «дипломат». При этом у него никогда не было ни «дипломата», ни, собственно, денег. Я представила маму в черной одежде и черной шляпе, как она покусывает нижнюю губу и раздумывает, что бы такого сказать, помимо того, что большую часть своей жизни я была для них разочарованием. И Кирстен, которая впервые согласилась бы с ней. Я вспомнила даже старую фрау Бар-Лев с третьего этажа; как она примывает к шеренге качающих головами и сетует, до чего небрежно я отношусь к графику уборки на общей лестнице. Такие сами ищут неприятностей. Мысли кружились в голове, мешались, и не за что было уцепиться в этом черном пространстве. Только эта вонь, пот, моча, затхлый воздух, и я плыла – меня уносило – прочь.

* * *

Очнулась. Я снова оказалась здесь. По-прежнему здесь.

Слезящимися глазами я смотрела на лампочку, висевшую под потолком на коротком кабеле.

– Как ты, Лена?

Он вернулся. Стоял надо мной, как прежде, и улыбался.

По моим прикидкам я провела в плену немногим больше половины дня. Хотя ощущения и рассудок расходились в этом отношении диаметрально. В темноте время замирало. И все-таки я чувствовала себя не настолько плохо, чтобы допускать более длительный период. У меня болела голова, и одолевала слабость, но разум еще функционировал. Хоть он и рисовал передо мной единственную перспективу: *Через два-три дня без воды ты умрешь.*

– Надеюсь, успокоилась?

Я поборолла желание закричать и лишь кивнула.

Тогда он сказал:

– Замечательно.

Развернулся и направился к двери.

Я ожидала щелчка выключателя. Но его не последовало. Свет продолжал гореть. Более того, он оставил дверь приоткрытой, когда уходил.

Затаив дыхание, я смотрела на открытую дверь. Судорожно подтянулась в своих оковах, не сводя глаз с двери, открытой двери. В четырех, пяти или шести шагах от меня, и при этом недостижимая...

Я сморгнула неуместные слезы. Все равно я не добралась бы до нее. Он собирался вернуться, иначе зачем ему оставлять свет включенным, а дверь – открытой... Мне оставалось только ждать. С трудом, насколько позволяли связанные руки, я попыталась переменить позу. Собственное тело причиняло мне дискомфорт. Дощатая стена впечаталась в спину. Ноги словно распухли, шея затекла, и плечи изнывали, вывернутые в одном положении. Раковина, к сливной трубе которой он меня приковал, располагалась справа. Мои руки были оттянуты, как у бейсболиста, ожидающего подачи. Я ждала и ждала... Сердце отчаянно колотилось. Куда он ушел?

За ножом!

* * *

Ведь так принято у этих сумасшедших. У психопатов. Принести нож, топор, цепную пилу – и при этом улыбаться. У них собственные, никому не ведомые принципы, и его вопрос «как ты, Лена?» следовало толковать совсем иначе.

В действительности он спросил меня, готова ли я умереть, и я лишь молча кивнула. Выразила свое согласие. Или одобрение. Возможно, в эти мгновения он любовался широким клинком своего любимого ножа. Поворачивал рукоять, чтобы видеть собственное отражение в лезвии. Представлял, с какой легкостью он взрежет мою плоть, рассечет жесткие мускулы, артерии и вены...

Мне стало нечем дышать. Он мог вернуться в любой момент, с ножом в руке. К тому времени как меня начнут разыскивать, я уже буду мертва. «На нее похоже», – подумает мама, если в выходные я снова не зайду на кофе, как обещала. «Что-то здесь неладно», – такого ей и в голову не пришло бы. А что же Кирстен? Скорее всего, решит, что я намеренно пропала из виду. «Ну любит она переводить все в драму...» – прозвучал в голове ее голос.

В любой момент.

Сейчас. Дверь. Он вернулся.

У меня затрепетали веки. Дыхание сбилось, и сердце зачастило так, что закружилась голова. Я подтянула колени и вжалась в стену. Происходящее виделось как сквозь толстое матовое стекло. Он медленно приблизился, почти вплотную, встал прямо надо мной. Что-то было у него в руке. Нож?

– Ты хочешь пить, Лена?

Понадобилось несколько секунд, прежде чем до меня дошел смысл этих слов. И я различила в его руке бутылку воды. Никакого ножа.

– Хочешь пить, Лена? – Он протянул мне бутылку.

Я стала кивать в такт собственному пульсу и зарычала, точно голодный зверь, в надежде, что он вынет клык изо рта. Но у него, похоже, и в мыслях этого не было. Он так и стоял надо мной. Покачивал бутылкой у меня перед глазами. И улыбался.

Я растерянно затрясла головой. Он опустил бутылку и показал левую руку. Только тогда я увидела, что он держал еще и упаковку краски для волос. С пачки счастливо улыбалась женщина со светлыми волосами. Мне стало дурно от ее вида. Ощущение зарождалось где-то в желудке и постепенно расплзлось по всему телу.

Он задумчиво покивал.

– Сначала покрасим тебе волосы. А потом можешь попить.

Я прикинула свои шансы. *Через два-три дня без воды ты умрешь.*

– Поразмысли; можешь не спешить.

Он пожал плечами и направился к двери.

Я захрипела в клык и засучила связанными ногами по полу. Он медленно повернулся.

– И это правильно. А поскольку верные решения принято вознаграждать, тебе можно сразу сделать глоток.

Он отложил упаковку с краской на край раковины и опустился передо мной на корточки. Поставил бутылку рядом и вынул мне клык изо рта. Затем взял бутылку, свинтил крышку и поднес горлышко к моему рту, придерживая другой рукой голову. Глоток означал ровно глоток. Тем не менее я поблагодарила его и слизнула каплю с нижней губы.

– Теперь можно приступать.

Он поднялся с хрустом в коленях и шагнул к стеллажу. Когда развернулся, я увидела в его руках ножницы.

– Это все страшное недоразумение, – заговорила я хриплым голосом, пока он разрезал стяжки на моих запястьях. – Вы, наверное, спутали меня с кем-то. Я не Лена.

Ножницы в его руке замерли.

– Мое имя...

– Молчи! – рявкнул он так громко, что я вздрогнула.

Ножницы рассекли последнюю стяжку, и мои руки оказались свободны.

– Сколько раз я говорил тебе, чтобы ты не лгала мне?

– Но я не лгу...

– Я сказал, молчать!

Лицо его вдруг налилось кровью, на левом виске вздулась и запульсировала вена. Я невольно покосилась на ножницы в его руке.

– Прости, – проговорила я тихо.

Он что-то проворчал, я смотрела на ножницы.

– Что тебе нужно от меня? – спросила я осторожно.

Он потянулся к раковине, и вместо ножниц в его руках появилась упаковка с краской.

– Нужно, чтобы ты была красивой, Лена.

Его слова сдетонировали в мозгу, парализовали мышление. Короткое замыкание. Пронзительный вопль, сильный толчок ему в грудь. Он ударился головой о раковину, *чтоб тебя, тварь!* Мое тело рванулось вперед, каким-то образом встав на ноги. Дверь всего в паре метров от меня. Я покачнулась на затекших ногах, кровь хлынула в голову, *соберись*, движение за спиной, дверная ручка так близко, я протянула руку, почти коснулась ее... Меня резко рвануло назад. Его рука вцепилась мне в волосы, оттянув голову, и я повалилась на спину. Кожу головы словно огнем обожгло. Я ухватилась за его предплечье и ногами искала опоры. Он ревел, я тоже.

– Неблагодарная тварь!

– Что тебе нужно от меня, ублюдок?

Он поволок меня обратно к раковине, с силой швырнул об пол. Я всхлипнула и скорчилась у его ног, тело дернулось в рвотных спазмах.

– Мир сошел с ума, Лена, – заговорил он одышливо, но при этом совершенно спокойно. – Люди позабыли о благодарности. Забыли об уважении. Обещания утратили для них всякую ценность, никто не признает обязательств. Да и кто вспомнит о важности правил, если со всех сторон вам твердят, что правила не нужны? Я не упрекаю тебя, Лена. Ты запуталась. И все-таки я должен указать тебе последствия твоего проступка.

Он выждал, чтобы слова его обрели вес. Затем я услышала, как он глубоко вздохнул, и сама инстинктивно набрала воздуха. А после закрыла глаза. Его первый удар пришелся мне по животу.

* * *

Знаешь, Лена, в тот момент я понятия не имела, о каких *правилах* он говорил, но уже тогда четко усвоила одно из них. Я – это ты; в противном случае меня ждет смерть. Можешь называть это рефлексом, как тебе угодно. Можешь считать меня малодушной или сумасшедшей, мне все равно. Только не удивляйся, что в первую секунду, когда полицейский спросил мое имя, я не смогла ответить иначе как:

– Лена. Мое имя Лена.

* * *

– Фамилия?

Полицейский из Кама достает блокнот и карандаш. От меня не укрылся тон его отрывистого вопроса.

Я качаю головой. У Лены нет фамилии.

– Ну, по крайней мере, вы не Лена Бек, – заключает Мюнхен и сдвигается на край стула.

Невольно касаюсь лба; шрам над бровью, кажется, горит. То ли под пристальным взглядом полицейского, то ли от пота, выступающего из каждой поры. Сложно сказать.

– Кто вы? – снова спрашивает Кам, спокойно, проговаривая каждое слово.

Кажется, в считанные секунды мой ответ оборачивается ложью, и мне сложно с этим не считаться. Возможно, у него даже есть основание, чтобы вкладывать недоверие в свой вопрос. Быть может, это и в самом деле ложь. Быть может, в этом вина не только твоего супруга, но в той же мере и моя. Куда легче убеждать себя, что все те кошмарные вещи происходили с Леной, и никак не с Ясмин.

Ясмин наслаждается жизнью где-то в этом мире. Втягивает воздух после дождя. Спорит из-за первого и последнего кусочка шоколада. Вдыхает аромат ландышей. Танцует под Дэвида Боуи и неумело подпевает. После долгой ночи киснет над своим пивом и сосиской карри с дурацким чувством, которое принимает за любовь. Невозмутимо и свободно творит глупости и добрые дела, которые и составляют эту жизнь. Глупости, которые я пыталась вспоминать, когда твой муж забирался на меня, а мне хотелось умереть.

Я смахиваю слезы с подбородка и шмыгаю носом.

Мюнхен прокашливается.

– Позвольте кое-что рассказать вам, *Лена*...

Маттиас

Рассветные сумерки высвечивают небо на горизонте. Можно даже наблюдать, как новый день подъезжает ночную тьму. Часы вот-вот покажут пять. Мы по-прежнему в палате, дожидаясь Герда и Гизнера. Я стою возле окна, Карин все так же сидит на постели. Я вижу в отражении, как она болтает ногами. Голова опущена, руки лежат на коленях. Время от времени слышится тихий вздох. Я прокручиваю в голове события последнего часа и пытаюсь разобраться. Женщина, которую мы принимали за нашу пропавшую дочь, нам незнакома. На краткий миг мысли возвращаются к Герду. Этой бестолочи следует сказать спасибо за весь тот переполох. Он сгреб в кучку жалкие остатки наших надежд и со спокойной душой подпалил. Оставил нам один лишь пепел.

Я смотрю в небо, подхваченный религиозным порывом. Ты уже давным-давно там, наверху, Лена, так ведь?

Я не сознаю, что начал всхлипывать, пока в отражении не возникает лицо Карин. Я чувствую, как спины касается ее рука. Она кладет голову мне на плечо и закрывает глаза. Мы оба это понимаем. Раз уж Лена не объявилась этой ночью, нам следует наконец-то смириться с мыслью, что она не вернется никогда. Теперь, в холодной реальности больничной палаты, эта мысль воспринимается совсем иначе, чем в прошлом, когда мы строили догадки о том, что могло произойти с нашей дочерью. До этого часа то были всего лишь теории, дававшие известный простор для маневра. Я понимаю, что последние четырнадцать лет эти идеи и составляли наше жизненное пространство, единственное, где мы могли существовать. Теперь этого места не стало. Мы плывем где-то в вакууме, там, в небесах. Как два астронавта, которым оборвали кислородные шланги. Я беру Карин за руку. Мне не хочется одному затеряться в этой черной пустоте. Карин кивает, словно может прочесть мои мысли. Я заключаю ее в объятия и прижимаю к себе, насколько хватает сил. Новый день озаряет небеса. Ханна, так ее зовут... Ты назвала ее в честь моей матери. Это прелестно, Лена. Просто прелестно.

Лена

– Студентка из Мюнхена двадцати трех лет, юная и беззаботная. Училась на четвертом семестре педагогического факультета. И ее отец клянется, что она с детства хотела стать учителем. А я готов был поспорить, что она займется какими-нибудь искусствами. Может, начнет писать. У нее и в самом деле была богатая фантазия, и она выдумывала диковинные истории. Или стала бы актрисой, ей и это отлично подошло бы. Так или иначе, она принадлежала к тому

типу девушек, на которых невольно оборачиваешься. Которым стоит лишь войти в помещение и улыбнуться, чтобы все присутствующие потеряли дар речи. Длинные светлые волосы, голубые глаза, изящная фигура... Она пропала, когда возвращалась домой с вечеринки. Бесследно, будто ее и не было. Ни единого свидетеля, ничего. Последними ее видели другие люди на той вечеринке, и они утверждали, что Лена не отказывала себе в алкоголе, а возможно, и в других веществах. Ну вы понимаете... Высказывалось много гипотез. Дорога домой проходила через Изар, Райхенбахский мост. Мы не исключали, что она упала в реку и утонула. Неоднократно посылали водолазов на поиски, но так ничего и не обнаружили. Проверили друга Лены, но тот не имел никакого отношения к исчезновению, хотя ее отец долгое время не желал в это верить. Мы допускали в том числе и похищение, вот только нам не поступало требований выкупа. И кто сказал, что это дело рук одного человека? С тем же успехом Лену могли захватить торговцы людьми. Похитить и продать за границу. Принуждение к проституции; думаю, вы о таком слышали. В общем, как видите, вариантов множество. Но факты таковы: мы просто не знаем, что произошло с Леной Бек четырнадцать лет назад. До сих пор. Тогда я обещал ее отцу, что найду ее. Знаете, что полицейский должен усвоить, еще будучи курсантом? Нет? Нельзя давать обещаний. Неисполненные обещания ломают людей. И отец Лены сломлен, уж вы мне поверьте. Он до сих пор страдает, каждый день. Мне тоже тяжело, впрочем, как и всем нам. Этот шрам у вас на лбу... Лена заработала свой в возрасте четырех или пяти лет, ударилась об угол книжного шкафа. И это произошло в моей гостиной, можете себе представить? Ее отец был вне себя. А откуда ваш шрам?

Кажется, я делаю вдох впервые с того момента, как Мюнхен стал рассказывать. То же самое можно сказать о его коллеге. Я слышу, как тот с шумом втягивает воздух.

– Это сделал он. – Я осторожно касаюсь шрама над бровью. Порезы, полученные сегодняшней ночью, когда-нибудь заживут, а этот так и останется моим клеймом.

– Вы можете сказать, кто *он*?

Я киваю.

– Человек, который похитил меня...

* * *

Человек, который назвал меня Леной, а затем избил.

Я лежала, свернувшись, на своем прежнем месте, на полу справа от раковины. Сжимала в руке зуб, выбитый в самый разгар. Я насчитала шесть ударов ногой и еще три – кулаком. Хотя он уже оставил меня, перед глазами, закрывала я их или нет, все еще вспыхивали радужные огни. Фейерверк, воспламененный болью. Все мое тело пульсировало, как одна сплошная гематома.

Он стоял надо мной и разминал костяшки пальцев.

– Теперь мы можем продолжать, Лена?

Не дожидаясь ответа, наклонился, железной хваткой взял за мои запястья и поднял. Я заскулила. Ноги меня не держали, и я снова повалилась на пол.

– Ты должна приложить немного усилий, Лена.

На этот раз он взял меня под мышки и снова поднял, после чего поволок к раковине, над которой висело зеркало. Старое, почти выцветшее зеркало, оно едва отражало мое лицо. И все же я разглядела бурую дорожку высохшей крови, которая тянулась от моего носа и по подбородку. В поисках опоры я ухватила за края раковины и уставилась в сливное отверстие.

– Ах, Лена, – произнес он мне в затылок. – Не лучшее начало.

Затем обхватил мои бедра и стал расстегивать джинсы.

– Для начала тебя хорошо бы отмыть. Поверь, ты почувствуешь себя новым человеком.

Кстати, если тебе интересно, эту часть я отнесла к списку тех подробностей, о которых предпочла бы умолчать. Деталь, которой я ужасно стыжусь, потому что даже не попыталась воспротивиться. Мне следовало бы ударить его локтем в ребра, оттолкнуть от себя или, на худой конец, накричать на него.

Ясмин такого просто не допустила бы. Не дожидалась бы безучастно, пока он наполнит раковину из канистры. Не стояла бы голой, с оттянутыми в сторону руками, расставив ноги, чтобы он вымыл ее. Не позволила бы ему тереть себя грубой тряпкой, пока не покраснелась кожа. Не стала бы безропотно терпеть, пока он красил ей волосы, и не оплакивала бы молча свой коренной зуб, что лежал в лужице крови и брызгах воды на краю раковины.

Когда он только раздевал меня, от него не укрылось, что в какой-то момент я обмочилась.

– Нужно себя контролировать, – сказал он тогда, приподняв брови и наморщив нос. – Ты же взрослая женщина, Лена, в самом деле...

Ясмин не стала бы жалобно просить прощения. Она бы плюнула ему в лицо и прорычала бы: «Да чтоб ты сдох!»

Я же только послушно кивнула, когда он отжал тряпку и спросил:

– Теперь намного лучше, верно?

Я позволила обтереть себя, смыть лишнюю краску, просушить и расчесать мокрые волосы. Даже поблагодарила, когда он сунул мне в руки бутылку с водой. В награду, как он выразился.

– А теперь мы тебя оденем, Лена. Ты, наверное, замерзла.

* * *

На полке для меня была приготовлена одежда. Не знаю, лежала она там с самого начала или он принес ее позднее. Белое белье, тонкие колготки с шелковистым отливом, белая блузка, темная юбка до колен, туфли на ремешках, на размер меньше моего. Я взглянула на собственные вещи, бесформенной кучей сваленные под раковиной. Затем перевела взгляд на стеллаж. На самом верху, недостижимая, лежала моя дорожная сумка, смятая, как пустая оболочка. Должно быть, он уже выпотрошил ее.

– Говорят, не стоит судить о человеке по внешнему виду, – промолвил он с белыми трусиками в руках.

Я старалась не смотреть, когда он наклонился и продел в них мои ноги, сначала одну, затем другую. Запрокинула голову и уставилась в потолок.

– Но правда такова: женщина в вульгарной одежде и сама становится вульгарной.

Я заметила паутину между балками крыши, и это отвлекало меня от его прикосновений, пока он застегивал на мне бюстгальтер. «Крошка-паучок забрался в водосток», – напевала я про себя. Мама пела мне эту песенку, когда я была маленькой, а она еще оставалась мамой. Садилась на край кровати и смешно перебирала пальцами, изображая маленького паучка. «Вот дождик полил, паучка наружу смыл...»

– Ты будешь придерживаться моих правил, Лена. Порядок, чистота, дисциплина, уважение, честность, доверие, верность. Как только я вхожу в комнату, ты должна вставать так, чтобы я тебя видел, и вытягивать руки. Тебе понятно? Я должен проверить, чистые ли у тебя ногти, и удостовериться, что ты не держишь ничего такого, чем могла бы причинить вред мне или себе. Посещение туалета для тебя предусмотрено в семь часов утра, затем в двенадцать тридцать, в семнадцать и в двадцать часов. Я помогаю тебе с личной гигиеной. К сожалению, у нас нет водопровода, только эти канистры. – Он указал на канистры, расставленные на полках. – Но и этого хватает, если экономно расходовать воду. Зато есть свой генератор и вообще все необходимое. Тебе понравится.

Он застегнул молнию на юбке и поправил блузку на плечах, после чего встал передо мной и прошелся ладонью по моим волосам.

– И не думай, что тебе нельзя разговаривать со мной, Лена. Конечно, мы можем говорить. Я хочу, чтобы ты была счастлива, и сделаю все для этого, обещаю. Но я, в свою очередь, должен знать, что ты усвоила правила и, главное, следуешь им. Иначе наша совместная жизнь не заладится... – Он окинул меня взглядом. – Почти идеально.

Совместная жизнь, эхом разнеслось у меня в голове. *Совместная жизнь*. Он взял с полки губную помаду. *Совместная жизнь*. Грубыми движениями покрасил мне губы.

– Остался последний штрих.

Его левая рука обхватила меня за шею; правая между тем отложила помаду на полку и взяла ножницы, которыми он разрезал стяжки на моих запястьях. Дыхание стало прерывистым. Он плотнее прихватил мне шею. Ножницы оцарапали лоб. В ушах зашумело, кровь залила правый глаз.

* * *

У тебя есть шрам, Лена.

И у меня появился такой же.

* * *

– Посмотрим, достаточно ли этого, – произнес он, промокнув ранку тряпкой. – Возможно, придется еще доработать. Лучше поддержать тряпку еще какое-то время, а то запачкаешь блузку. – Он взял мою руку и поднес ко лбу. – Держи крепко, Лена. Жалко будет блузку.

Я прижала тряпку ко лбу и тихо заскулила.

– Надо было проделать это перед тем, как одеться. Я не подумал. Все-таки это твоя любимая блузка...

Я ничего не видела. Кровь заливала глаз, веки дрожали, пульс участился. Комната опрокинулась, верх и низ поменялись. Как в замедленной съемке, я осела на пол, ударилась. Отключилась.

Следующее, что я помню, – это как раскрыла глаза и судорожно вдохнула, как если бы долгое время пробыла под водой. Я лежала на спине, на чем-то мягком, лоб пульсировал от жгучей боли. Увидела над собой размытые бурные полосы; еще через мгновение полосы оформились в доски, дощатый потолок. Я попыталась подняться – безуспешно. Из того, что выхватил взгляд, я заключила, что нахожусь в гостиной. Толстый ковер, книжный стеллаж у стены, в старой железной печке горит огонь. Ложе подо мной прогнулось. Я поняла, что лежу на диване, укрытая одеялом. С подушкой под икрами – вероятно, чтобы привести в норму пульс.

Кто-то сел на край дивана. Рука коснулась моей. Маленькая рука.

– Ты не спишь? – прошептал детский голос.

Через мгновение надо мной появилось мальчишеское лицо. Светлая кожа, узкое милое личико с голубыми глазами, тонкие черные волосы. Я разглядывала его как произведение искусства, притягательное и вместе с тем отталкивающее.

– Йонатан! – воскликнул другой голос.

Я закрыла глаза, и снова диван подо мной дрогнул, когда мальчик испуганно вскочил.

– Я не хотел ее будить, папа! Только хотел посмотреть, успокоилась она или нет.

Папа. У него сын. У этого чудовища сын.

– Можешь пока расставить фигуры на доске, Йонатан, – услышала я, а затем: – Лена...

Вновь диван прогнулся под чьим-то весом.

– Открой глаза; я знаю, что ты очнулась.

Я моргнула.

– Выглядишь замечательно, – произнес он и убрал прядь волос с моего лица. Его взгляд остановился на одной точке на моем лбу. – Думаю, неплохо получилось. Я кое-что доработал ножом, а потом сразу зашил.

У меня из горла вырвался сиплый звук.

– Брось, Лена, ты все равно была без сознания и ничего не почувствовала. – Он улыбнулся. – Для тебя лучше и быть не могло, не так ли?

Я подняла дрожащую руку, коснулась лба. Почувствовала шов, и острый кончик нитки уколол мне подушечку пальца.

Он взял мою руку и вернул на прежнее место.

– Не трогай, а то еще занесешь инфекцию. Через пару дней шов можно будет снять.

Я начала всхлипывать.

– Прошу, отпусти меня. Я хочу домой.

Он наклонился ко мне, так близко, что наши носы почти соприкоснулись, при этом всей тяжестью навалился на мое побитое тело.

– Ты дома, Лена, – прошептал он и поцеловал меня в лоб.

Я повернула голову, уткнувшись лицом в спинку дивана. Чуть затхлый запах напомнил о мебели в доме моей бабушки. Он протиснул руку между подушкой и моей щекой и грубо развернул лицом к себе. Заставил смотреть ему прямо в глаза.

– Сделай себе одолжение, Лена, и задайся вопросом. Подумай, шучу ли я. Хочу ли просто нагнать на тебя страху. Или же я вполне способен тебя убить.

– Нет, не шутишь, – выдавила я.

Дышать под его тяжестью становилось все труднее. По крайней мере, я начинала понемногу соображать. В особенности меня занимала одна мысль. Возможно, она давно сформировалась в сознании, но я не могла отделить ее в путанице других мыслей. Платье на мне.

– Я не собираюсь объяснять дважды, Лена. Так что слушай внимательно.

Белье, колготки, юбка, блузка и в особенности туфли, на размер меньше моего. Очевидно, все это принадлежало кому-то другому.

– С этого дня ты будешь хорошей матерью и доброй женой. И будешь придерживаться правил. Тебе понятно?

– Где мать твоего сына?

Мгновение он выглядел озадаченным.

– Где его мать? – спросила я снова, более настойчиво. Сердце подскочило в грудной клетке и колотилось теперь где-то в глотке.

– Ты его мать.

Он сел, и я, сама того не желая, облегченно вздохнула. Ведь я снова могла свободно дышать.

– А теперь поднимайся. Ты уже достаточно отдыхала.

* * *

У него еще и дочь. Я увидела ее, только когда он помог мне подняться. Прямая, как палка, бледная и очень серьезная, она стояла в дверном проеме – не знаю, с какого времени. На ней была пижама, явно слишком большая. Мне показалось, девочка что-то прижимала к груди. Потом я различила рыжую шерсть. И уши. Какой-то зверек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.